

СОДЕРЖАНИЕ

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?

<i>Лариса Беляева</i> Анкета «Лампады» Скажите, пожалуйста.	4
<i>Иерей Михаил Шполянский</i> Вот мы и дети, коих дал нам Бог	6
<i>Протоиерей Андрей Ткачев</i> Человек – это процесс, и в том его счастье	8
<i>Протоиерей Михаил Васильев</i> Не – за что, а вопреки	10
<i>Марина Нецветаева</i> Черепашка, которой приделали крылья	11
Единица измерения	12
<u>ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ</u> <i>Леонид Виноградов</i> ...И врата ада не одолели его	13
<u>ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ</u> Миры Ларисы Беляевой	17
<i>Юлия Антипина</i> Смерть можно побороть усилием воскресенья	18

ПРАВОСЛАВИЕ БЕЗ ГРАНИЦ

<i>Галина Бесстремянная</i> «И там я за нее буду молиться»	21
<i>Павел Демидов</i> Общество потребления не имеет будущего.	23

СТРАНА СЛОВ

<i>Дмитрий Шеваров</i> Горячий хлеб	24
<i>Евгений Носов</i> Деревенские ласточки	27

СТРАНА КРАСОК

<i>Дмитрий Шеваров</i> Очарованный странник	28
--	----

МИР ВОКРУГ НАС

<i>Людмила Бутузова, Глеб Щелкунов (фото)</i> Татьянин день.	33
<i>Татьяна Москвина-Яценко</i> Беды и победы православного кино.	36

ЛАМПАДКА

<i>Марина Аромитам</i> Жила-была дворянка	39
--	----

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Верстка И.В. Бухаровой

Корректор Т.В. Глазкова
На обложке фото
Г. Стин и А. Фирсова

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
8-926-105-1054

www.znamenie-hovrino.ru

Регистрационный номер А-0275
Выход в свет 12.07.2011

Цена свободная

**Издается на добровольные
пожертвования**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
город Москва.

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269

р/с 40703810938080100250

БИК 044525225

к/с 30101810400000000225

КПП 774301001

Отпечатано в ордена Трудового
Красного Знамени
типографии им. Скворцова-
Степанова
ФГУП Издательство «Известия»
Управления делами Президента РФ

Генеральный директор
Э.А. Галумов

127994, ГСП-4, г. Москва, К-6,
Пушкинская пл., 5

Контактные телефоны: 694-3636,
694-3020

e-mail: izd.izv@ru.net

Тираж 1200 экз. Заказ № 1278
© Лампада, 2011

Это поистине уникальный снимок. Человеку, запечатленному на нем, от роду... 32 часа. Что его ждет? Как сложится его жизнь? Сегодня он еще не знает, что такое несчастье. Значит, он счастлив. Мир тебе, чадо!

Разговорились однажды в животе беременной женщины два младенца. Один из них был верующим, а другой почему-то оказался неверующим.

– Ты веришь в жизнь после родов? – спрашивает брата неверующий младенец.

– Конечно, – ответил тот. – Ясное дело, что

жизнь после родов существует. Мы здесь только для того, чтобы окрепнуть и быть готовыми к тому, что нас ждет потом.

– Глупость, – возразил ему брат. – Никакой жизни после родов не бывает. Ты хоть можешь представить, как она будет выглядеть?

– Я не знаю всех деталей, – сказал верующий младенец, – но верю, что там будет больше света. Может быть, в той жизни мы даже будем сами ходить и есть своим ртом.

– Какая ерунда, – возразил ему брат. – Это же невозможно: самим ходить и есть своим ртом. Об этом даже говорить смешно! У нас есть пуповина, которая нас питает. Наша

жизнь – пуповина, она и так слишком коротка, чтобы думать еще о чем-то другом.

– Но там все будет совсем по-другому, – ответил верующий младенец. – В любом случае мы там увидим маму, и она позаботится о нас.

– Маму? Ты веришь в маму? И где же она находится?

– Она везде, вокруг нас, мы в ней пребываем. Благодаря ей мы движемся и живем. Без нее мы просто не могли бы существовать,

– Полная ерунда. Я не видел никакой мамы, и поэтому для меня очевидно, что ее просто нет! – воскликнул неверующий младенец.

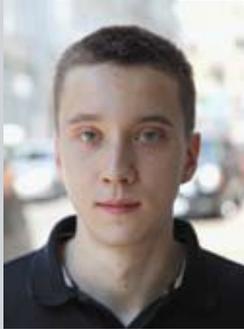
– А я точно знаю, что она есть, – сказал верующий. – Иногда, когда все вокруг замирает, можно даже услышать, как она поет, и почувствовать, как она гладит нас. Вот увидишь, наша настоящая жизнь начнется только тогда, когда мы родимся.

Сборник христианских притч. М.: Никая, 2010.

Скажите, пожалуйста...

 <p><i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i></p>	<p><i>Протоиерей Петр Захаров, настоятель храма Рождества Иоанна Предтечи в Ивановском</i></p>	<p><i>Матушка Олимпиада Захарова</i></p>	<p><i>Николай Печерский, 20 лет, студент</i></p>
			
<p>Почему вы считаете себя счастливым (или несчастным) человеком?</p>	<p>Я считаю себя счастливым человеком, потому что с Богом. Бог есть источник счастья.</p>	<p>Считаю себя счастливой, потому что с Богом. Мне даже страшно бывает за кого-то – как же живут без Бога?! Ведь это – не иметь самого главного – не иметь счастья.</p>	<p>Я счастлив, когда нахожусь в кругу родных, ощущаю то добро, которое посылает Господь, как пастырское наставление тебе и твоим близким. Когда в тебе нет злобы, когда ты не зависишь от грешного мира.</p>
<p>Меняется ли со временем ваше представление о счастье?</p>	<p>Принципиально не меняется, но корректируется. С годами начинаю понимать некоторые вещи глубже и шире. И еще больше утверждаюсь в том, что человек счастлив только с Богом.</p>	<p>Конечно, с возрастом меняется. Говорят: что понятно в сорок, не понятно в двадцать.</p>	<p>Вначале для человека счастье – быть рядом с матерью. Потом он понимает, что самое главное в жизни – Господь, Который и есть твой настоящий Отец на Небе, пославший тебе отца и мать на земле.</p>
<p>Когда вы сильнее ощущаете счастье – при обладании чем-то или при отказе от чего-то?</p>	<p>Наверное, это двоякий ответ будет. При отказе от чего-то низменного, с одной стороны, и с другой – приобретение чего-то возвышенного, чистого и духовного.</p>	<p>Это, наверное, в совокупности. В жизни ведь не задумываешься, когда ты счастлива, а когда – нет. Живешь, как можешь.</p>	<p>Наверное, счастье можно ощутить в том и другом случае. Что-то приобретаешь, делаешь кому-то хорошо, приятно, помогаешь кому-то – вот, наверное, счастье, когда ты делишь его с другим.</p>
<p>Что вам нужно для того, чтобы почувствовать себя счастливым?</p>	<p>Наверное, глубже и сильнее ощутить связь с источником счастья – с Богом. Это нужно не только мне, но и всем людям, стремящимся к счастью.</p>	<p>Жить с Богом. Это для меня самое главное. Кажется, это совсем мало, а на деле – так много...</p>	<p>Лично мне – ходить на исповедь. После этого вполне можно чувствовать себя счастливым.</p>
<p>Счастье и совесть. Всегда ли они находятся у вас в согласии?</p>	<p>Бедный я человек, чего не хочу то делаю, а чего хочу то не делаю, сказал апостол Павел. Во мне происходит то же. Счастлив, когда во мне побеждает то, что не беспокоит мою совесть.</p>	<p>Это сложно, потому что живешь, чаще сперва делаешь поступки и только потом анализируешь. Потом, да, бывает, о чем-то сожалешь.</p>	<p>Если говорить об истинном счастье, то да, оно зависит от совести. Когда совесть мучает, она не чиста, не может быть истинного счастья. Тогда это что-то другое.</p>
<p>Закончите фразу: Счастье – это...</p>	<p>Счастье – это любовь, любовь, любовь...</p>	<p>Счастье – это любовь в Боге.</p>	<p>Счастье – это любовь.</p>

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?

Анкета «Лампады»

<p><u>Зинаида Федоровна</u>, за 70 лет, пенсионерка, помогает храму</p>	<p><u>Мария Иванова</u>, 36 лет, звонарь, преподаватель в колокольном центре</p>	<p><u>Александр</u>, 53 года, строитель</p>	<p><u>Виктория Любимова</u>, 27 лет, молодая мама</p>
			
<p>Однозначно не могу сказать. По жизни все сложно. Бывает, что-то больше устраивает, что-то меньше, но стараюсь жить человеком. Приносит счастье хорошее отношение. Хочется больше любви, но не всегда получается.</p>	<p>Считаю себя счастливым человеком, потому что я себя в жизни нашла.</p>	<p>Я считаю себя счастливым человеком. Прежде всего, это семейное счастье – внучка родилась. Есть работа нормальная.</p>	<p>Я сейчас абсолютно несчастный человек, потому что вся погрязла в грехах, восемь месяцев не причащалась, и нет никакой возможности пойти на исповедь. Это самое ужасное состояние, хотя внешне все благополучно.</p>
<p>С юности не очень меняется понятие счастья, если счастье – это любовь.</p>	<p>Не меняется. Какая была счастливая, такая есть и буду.</p>	<p>С возрастом понятие счастья может измениться. Я думаю с Богом быть – это самое главное счастье, быть в постоянстве, при храме быть, молиться Богу.</p>	<p>Последний раз оно менялось с приходом к вере. Если раньше казалось, что счастье связано с чем-то земным, с чувством собственной значимости, сейчас хочется быть с Богом и чтобы совесть была чиста, а это не всегда получается.</p>
<p>Тоже однозначно не ответишь. Иногда какие-то желания исполняются, и чувствуешь себя удовлетворенной. Но сильного желания достатка, богатства никогда не было, скорее желание чего-то духовного – искусство, поэзия, музыка.</p>	<p>И так, и так. Когда чем-то обладаешь, а когда от чего-то отказываешься. Все-таки, наверное, больше счастья в обладании.</p>	<p>Счастье должно быть постоянным, единым. Для меня нет такого – больше, меньше. Я считаю, что Господь дал, то и хорошо. На все воля Божия.</p>	<p>Я по своей греховной природе испытываю счастье, когда могу быть значимой, когда могу произвести впечатление, когда есть чем гордиться. Знаю, что это неправильно, но... Счастье для меня это пока обладание.</p>
<p>Наверное, больше всего есть нужда в покое, чтобы не было раздоров, чтобы было мирное состояние не только у меня, но и у окружающих.</p>	<p>Чтобы рядом были родные и хорошие люди, компания хорошая.</p>	<p>Для того чтобы почувствовать себя счастливым, много не надо. Было бы здоровье, есть семья, есть работа, возможность прийти в храм, причаститься.</p>	<p>Чтобы совесть была чиста. Значит, я никогда еще не была счастлива.</p>
<p>Во всяком случае, должны. Потому что без совести счастья не построишь.</p>	<p>Конечно, не всегда. Какой сложный вопрос... Хорошо, что есть колокол, – позвонила и все в согласии пришло.</p>	<p>Стараюсь поступать по совести, но не всегда получается. Стремиться надо к единению.</p>	<p>Счастье и совесть у меня в разладе.</p>
<p>Счастье – это счастье. Как Пушкин сказал – покой и воля.</p>	<p>Счастье – это когда мир с самим собой и со всеми вокруг.</p>	<p>Счастье – это семья, единение семьи и Бога.</p>	<p>Счастье – это чистая совесть.</p>

Вот мы и дети, коих дал нам Бог

Через год после прибытия в нашу семью Маши, весной 2000 года, мы с матушкой Аллой стали задумываться о том, что Маше нужна подруга её возраста. Другие дети в нашей семье гораздо старше, и ей не хватало общения со сверстниками. Но столкнулись с катастрофически трудной для нас задачей: как выбрать ребенка? Приезжаешь в детский дом, и десятки малышей подбегают к тебе, просятся на руки, обнимают: «Папа, папа, ты за мной приехал?» Как понять, кто – твой? Просто первый? Или тот, кто громче кричит? Или чьё личико приглянется? Или кого воспитатели порекомендуют?

В Очаковском детском доме детей подходящего возраста оказалось человек пятнадцать. Проблема выбора усложнилась еще и рядом юридических препятствий. Пока директор изучала архивы, мы с нашей дочкой Дашей пошли к младшеньким. Девчущки красивые, крепенькие, веселые, ясноглазые. Но о ком бы мы ни спрашивали – «передаче под опеку не подлежит». Тем временем Даша обнаружила в углу маленькую девочку – на редкость невзрачного вида, похожую на серую мышку, молчаливую, тихую, волосики редкие и тоненькие, личико бледное. Дочка взяла ее на руки и стала с ней о чем-то шептаться.

Нас пригласили к директору. К великому нашему облегчению, выбор за нас вновь сделал Господь: для нашего детдома семейного типа юридически подходил только один ребенок – та самая девочка.

Аня, надо сказать, никак не отреагировала на предложение жить у нас.

Через неделю, оформив документы, мы вернулись за ней. Был тихий час, дети спали. Мы с директором зашли в спальню, разбудили Аню. Спросонья она начала тихо плакать. Директор принялась расспрашивать плачущую девчущку, хочет ли она идти с этим дядей. Аня всхлипывала и ничего не отвечала. «Вот видите, она вас боится. Мы ребенка в таком состоянии отпустить не можем!» Я присел возле кроватки и заговорил с Аней: «А знаешь ли ты, что я тебе снес?» Аня широко открыла глаза и престала всхлипывать. «А ты когда-нибудь во сне на машине каталась? Вот сейчас я возьму тебя на руки, и мы пойдем на машине кататься». Анечка протянула ручки, обхватила меня за шею, и мы пошли. Директор следовала за нами. Мы сели в «сонную» машину, я впереди справа с Аней на руках (за рулем был водитель).

– Тебе нравится сидеть в машине во сне?

Кивок головой.

– А сейчас тебе приснится, что мы едем, приготовься.

Аня приготовилась, и мы поехали. Вскоре девчущка, поглазев по сторонам, действительно заснула...

Аня родилась в одном из сел Николаевской области. С младенчества она проживала в семье дяди и тети (сестры матери). Через некоторое время дядю посадили в тюрьму «за кражу домашнего скота», тетушка куда-то исчезла (своего жилья у них не было). А затем... девочку нашли на городском рынке, грязную, в рваном платьице, со вшами. Как она туда попала – неизвестно.

Аня и Маша составили замечательную пару, вдвоем они очень хорошо

дополняют друг друга. Аня оказалась сильна в учебе, в случае необходимости она помогает Маше, и та за ней подтягивается. Аня очень талантлива в художественном плане. Веселость нрава не мешает ей быть ответственной, чувствовать себя старшей (на восемь дней старше Маши!); среди «младшей группы» она – лидер.

Прошло два года. Звонит мне как-то знакомая и говорит: её мама, работающая в детской больнице, просила нам передать, что к ним поступила маленькая девочка, брошенная родителями. Собственно-то, не просто брошенная, а как-то особенно изуверски. Мать оформила продажу жилья, получила деньги и... уехала. А Валерию оставили в запертой квартире. На третий день соседи, слыша жалобный писк и плач, вызвали милицию. Дверь взломали, девочку отправили в больницу.

К нам нередко обращались с такого рода просьбами – возьмите того или иного ребенка в свою семью. К сожалению, по понятным причинам, удовлетворить каждое пожелание мы не могли. Но случай с Лерой нас как-то особо задел. Я поехал в больницу. Валерии там уже не было, её отправили в городской приют.

Директор приюта, Светлана Клюева, спрашивает нас с некоторым сомнением: «А вы уверены, что хотите взять к себе именно ее? Девочка непростая, вам будет нелегко». Но мы настояли на своем – именно потому, что в этом решении видели волю Божию. И, видимо, не ошиблись.

Нас познакомили с Лерой. Девочка произвела впечатление очень живой,

бойкой. Желание жить с нами она высказала моментально.

– Ну что ж, будем оформлять документы. Хотите, я проведу вас по нашему новому зданию?

Конечно, мы согласились. В приюте тихий час, дети спят. Светлана ведет нас обшарпанными коридорами и вся светится радостью: после трущоб, в которых они ютились до того, это – дворец. Проходим мимо спален. У одной из дверей стоит мальчик, темноволосый, черноглазый, и задумчиво смотрит на нас, особенно пристально разглядывая меня (а я приехал, естественно, в иерейском облачении – в рясе, на груди большой «желтый» крест с распятием). Светлана гладит мальчика по голове и говорит: «А это наш любимый Рома, Ромочка». Рома протягивает ко мне ручку и, указывая на распятие, говорит: «Я знаю. Это Бог. А я молюсь». Все застывают. Ну что же, мальчик сказал пароль. Несколько растерянные, мы возвращаемся в кабинет директора. Просим оформлять документы на двоих детей.

История Романа странна и трагична. Его мать вскоре после родов уехала за границу на заработки и не вернулась. Женщина, которую попросили присматривать за младенцем, отдала ребенка в детдом «Солнышко» (там до двухлетнего возраста проживают детки, оставленные родителями в роддоме). Рому приняли, поместили с мальчишками-сверстниками. Что произошло далее – никто не понимает до сих пор. Но факт – в положенное время, по достижении двухлетнего возраста, ребенка в соответствующее воспитательное учреждение почему-то не передали. Рома остался в николаевском «Солнышке» и прожил там еще два года. Все время он находился в манежах с годовальными младенцами; его ничему не учили, никто с ним не общался, не разговаривал. Когда Роме шел четвертый год, его из ставшего тюрьмой «Солнышка» извлекли члены какой-то комиссии. Ребенка передали в городской приют для несовершеннолетних (к Ключевой). Первое время по прибытии в приют Рома вообще не разговаривал. Решили, что он немой. Но вскоре ребенок начал произносить отдельные слова, затем фразы. Оказалось, что он очень даже говорящий – просто никто его этому не учил. В приюте Роме создали «режим особого благопритствования» – разрешили ходить везде, где он захочет, свободно со всеми общаться. И все увидели: Рома – мальчик удивительно добрый, ласковый. Вскоре один из работников приюта решил взять его к себе под опеку. Но пробыл там

Рома недолго – стечение разного рода обстоятельств привело к тому, что ему пришлось вернуться в приют. (Кстати, именно в той семье Роман с бабушкой ходил в Церковь, узнал о Боге, о Христе, о распятии, научился молиться). Но так уж попустил Господь, что трагическим поворотом событий Рома опять оказался без семьи. И тут произошла встреча с нами в коридоре приюта, и им был сказан «пароль»...

Сейчас Рома подросток. Его смуглость выдает в нем восточную кровь, что подтверждается и темпераментом: мальчик живой, любит подвижные игры. При этом – большой любитель чтения, книги «проглатывает» запоем. Он обладает интересным даром копииста – Рома может срисовать картинку, изображение с замечательной точностью и тщательностью. Задержка в развитии речи не сказалась ни на умственных способностях, ни на словарном запасе – разве что возможным последствием можно считать излишнюю торопливость речи.

Однажды Роман удивил всех. В какой-то момент, когда я служил молебен в присутствии одних малышей, нужно было прочитать по книге тропарь праздника на церковнославянском. Я спрашиваю старших девочек – Машу и Анну, – кто прочитает; они мнут: церковнославянский шрифт знают плохо. И вдруг Рома предлагает: «Можно, я?» Я, с удивлением: «Попробуй». Рома читает незнакомый текст бойко и совершенно правильно.

Я (с изумлением): Как же ты научился читать на церковнославянском?

Рома: Да вот, когда ты служил, я стоял рядом и следил за текстом. Вот и выучил....

Еще Роме свойственно чувство абстрактного и абсурдного, следствие чего – особое чувство юмора, обыгрывание абсурда жизни. Обратная сторона

этого – способность не понять самой простой вещи, принимать решения не простые и очевидные, но сложные, путаные и из-за того часто неверные.

Валерия же и сегодня – самая младшая у нас в семье; это не считая «племени младого» – внуков и внучек. Но место в ареале жизни она занимает за троих – этакий центр событий. Худенькая, глазастая, одновременно подвижная и медлительная в движениях и в мысли. То несется куда-то, как ракета, то застывает с не донесенной до рта ложкой каши. То впадает в ступор, неспособная запомнить расположение стрелок на будильнике, то вмиг запоминает английский текст. Мечтает командовать. Все время встречается во все разговоры и дела – ей нужно быть на виду, нужно, чтобы её заметили, похвалили, приласкали. Хорошо рисует, любит читать. Вещи лежат грудой – она «выше» бытовых мелочей. Яркий характер. Артистка.

Мы любим наших детей. Надеемся, они тоже любят и будут любить нас. Верим, что несмотря на неизбежные трудности, тяготы и испытания Господь пронесет мимо наших детей чашу падения и духовного распада, чашу непосильных и трагических поворотов жизни. Как в свое время сказал духовник нашей семьи: «Живите с Богом, и ничего страшного и непосильного с вами не произойдет. А в остальном, что-то похуже, что-то получше, по-разному бывает, но это и есть жизнь, это нормально...» Да, бывает очень трудно. Жизнь в такой семье – невозможность принадлежать себе. Нагрузки, усталость, измотанность. Но и осмысленность, радость, развитие – а ведь это и есть счастье. И ещё – надежда на милость Божию: «Чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцем есть то, чтобы призирать сирот и вдов» (Иак. 1; 27). Разве не в этом конечный смысл? Ради этого стоит жить.

Этот детский дом в семье Шполянских возник не по какому-либо расуждению, но как бы спонтанно, а значит – по воле Божией. Со времени рукоположения о. Михаила во иереи в 1990 году для них стало обычным принимать страждущих и немощствующих: бездомных, бывших наркоманов и уголовников, сирот. Взрослые приходили и уходили, а дети-сироты в семье оставались – на положении родных дочек и сыновей. В конце 90-х это было зафиксировано и юридически – родился Детский дом семейного типа (ДДСТ). Всего батюшка и матушка во взаимном согласии и любви воспитали, кроме «своерожденных» троих детей, более десяти сирот (неточное число из-за различного положения воспитанников; непосредственно в ДДСТ было оформлено девятеро). Шестеро детей разного возраста и сегодня живут в семье священника; для всех их о. Михаил и матушка Алла – папа и мама. Взрослые дети живут самостоятельно, работают. Судьбы и отношения с ними разные, с одними более теплые, родные, с другими более отстраненные, но милость Божия уже в том, что никто из них не порвал с семьей, не ожесточился и не пошел кривым путем. Что, учитывая обстоятельства, почти чудо. Слава Богу!

Человек – это процесс, и в том его счастье Протоиерей Андрей Ткачев – собеседник «Лампады»

– Во все времена перед человеком стоит вопрос, как жить. Есть эпохи, стремящиеся сделать человека зверем, и есть эпохи, стремящиеся сделать человека бревном. Вероятно, есть и другие времена, старающиеся сделать из Адамовых детей нечто еще такое, чем мы быть не должны. В этих условиях слова «быть человеком» воспринимаются как жизненная задача.

– Но для этого нужно вначале им стать.

– Чтобы волку быть волком, достаточно просто родиться от волка и волчицы, не прикладывая личных усилий к последующему выявлению природы, данной при рождении. Такая же ситуация со всеми другими животными. Они таковы, какими их родили, и другими не будут никогда. Человек же способен на то, чтобы быть и волком, и медведем, и ослом, и обезьяной. Причем, способен быть всеми этими животными одновременно, да и не только этими. Человек способен менять свой природный навыв и способ жизни в зависимости от воспитания и самовоспитания, волевых усилий и благодатной помощи Бога. Вот эта борьба за то, чтобы не быть кентавром, не быть смесью разных животных в одном своем обличье, а вначале стать и затем быть человеком, и есть человек в динамике борьбы за самого себя, за оправдание своего имени. Иными словами, человек не данность, а цель и задача.

– Мы повсеместно сталкиваемся с жестокостью, обманом, грубостью,

равнодушием. Неужели люди настолько изменились к худшему?

– Духовная тяжесть окружающей жизни, то безвоздушье, в котором мы по временам себя обнаруживаем, рождены затхлостью, поселившейся во внутреннем мире многих людей, в нас в том же числе. Себя самого я вижу в чужих пороках, если бы не носил их в себе. Так некогда три человека видели одну и ту же картину: через монастырский забор перелез человек и пошел в сторону мирских жилищ. Один из видевших подумал, что это блудник пошел на блуд. Другой подумал, что это вор пошел украсть что-либо. А третий подумал, что это раб Божий ушел тайком раздавать нуждающимся милостыню.

Как могла одна и та же картина родить такие разные реакции? Очевидно, люди мыслили не только исходя из того, что видели, но также из того, что носили в себе. Можно ужаснуться, узнав свою возможную реакцию в первых двух случаях, но никак не в третьем. И вот он, неумолимый вывод: наша картина мира страшна ровно настолько, насколько страшен наш собственный внутренний мир.

Грубость, жестокость, обман, равнодушие... Список без труда можно продолжить. Но это не новые болезни. Чтобы убедиться, стоит прочесть 66-й сонет Шекспира, хотя бы в переводе Маршака: «Я смерть зову, мне видеть нестерпимее...». Кратко, точно и гениально дана картина жизни, испорченной грехом. И не найдем мы там ничего, что исчезло со временем, отмерло, исцелилось. Нет. Все те же язвы, все так же стонет человек. Неверующий полем борьбы видит окружающий мир, а верующий человек – свой внутренний. В этом их радикальное различие.

Если вообще все люди будут считать, что зло мира существует вовне, а не внутри их самих, если в мире не останутся людей, берущих на себя ответственность за качество жизни и меняющих жизнь тем, что меняют себя самих, то эти времена и будут последними из последних. У меня в том нет никакого сомнения.

– Где взять ту любовь к людям, о которой говорит Христос?

– Ее нельзя нигде взять. Ее можно получить в подарок. Ну а дать этот подарок может один только Христос, то есть Тот, Кто этой любовью обладает.

Нужно зарубить себе на носу, написать на косяках дверей и на манжетах рубашки, что любовь не может быть отдельной добродетелью. Она – венец за труды, подарок от Бога. Она – крыша духовного дома, фундамент которого вера, а стены сложены из кирпичиков добрых дел. Скреплять же эти кирпичики нужно смирением. И лишь когда стены выросли, дом можно крыть крышей любви, и это сделает Сам Бог, когда будет Его воля. Такова очередность работ в духовном строительстве.

А кто хочет иметь любовь, не имея воздержания, трудолюбия, честности, покаяния и прочих трудов и меньших добродетелей, тот может оказаться в роли человека, раздражающего Господа.

Творить заповеди, приносить, как сказано, «плод в терпении» и ждать Любви как подарка – вот что нужно.

– Как противостоять злу, обволакивающему мир? Отгородиться от него? Замкнуться? Но тогда наша вера может превратиться в секту, а зло будет по-прежнему торжествовать.

– Воевать надо, но не вражеским оружием. Не надо пытаться «Пастернака перепастерначить» или иезуита перехитрить. Апостол Павел однажды охарактеризовал христианское оружие: «Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: ими ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия» (2 Кор. 10: 4). Вот вам и ответ. Если есть у нас такое оружие, то «сдайся враг, замри и ляг». Если нет его, то по-

СКРЕПЫ

Для того чтобы прекратить впасть в грех, человек должен стараться избегать всего того, что провоцирует его на этот грех.

*Старец
Паисий Святогорец*

трудимся приобрести это оружие, пока не поздно.

Евхаристия и проповедь – вот наше оружие. Литургия и Слово Божие. Отсюда – всё, а без этого – смерть. Стены Иерихона пали не от стенобитных орудий или подкопов. Они рухнули от звука священнических труб, что символизирует ныне проповедь Евангелия. Как бы ни был смешон наш труд в глазах тех, кто укрылся за мощными крепостными стенами греха, мы будем ходить и трубить. И стены рухнут!

Ну а если пытаться как-то сопротивляться злу, без Таинства Тела и Крови, без постоянного поучения в Слове Божием, то это будут усилия слепца и безумца одновременно.

– Но включаться в политическую борьбу, занимать активную социальную позицию – тоже вроде бы не дело для православного. Как быть?

– Самые молчаливые в любом обществе люди, это – иммигранты первого поколения. Их только недавно приютили, они ничего еще толком не знают: ни языка, ни традиций, ни законов. Живут тихо и мечтают об одном – чтоб их не трогали. Уже во втором поколении они поднимают голову, предъявляют претензии, борются за права. В третьем и четвертом – идут во власть, чувствуют себя полноправными членами общества и гражданами новой Родины.

Так вот, если православные не будут активны в своей стране, это будет означать, что они – иммигранты первого поколения. Отсутствие активной жизненной позиции есть состояние квартиранта или бедного родственника.

Другое дело, что внешняя активность должна рождаться из сердца молящегося и смиряющегося перед Богом. Внешнее ведь засасывает и кружит голову. Мне не по душе активность людей, которые не молятся Богу и знать не хотят о своих грехах перед Ним. Но по душе – всякое дело, основательно и неторопливо совершаемое христианином, то есть *человеком литургическим*.

Мог ведь Суворов петь на клиросе, «Апостол» читать и войска в бой водить! Не мешало одно другому! И нам церковность никак не помеха в доброй активности.

Дурная церковность (а есть такая, надо признаться) мешает всякому доброму делу и самой жизни. А правильное воцерковление через литургию, Писание и покаяние никакой деятельности не помеха. В том числе, если надо, и политической.

– И наши дети. Если их стараться оберегать от «тлетворного влияния» мира, не рискуем ли мы лишить их

социального иммунитета и не оставим ли их один на один с этим миром, когда не будет нас?

– Много иллюзий у нас есть в отношении себя и своих детей. Одну только иллюзию назову по имени. Взрослым кажется, что сами они таковы, какими и останутся. А вот дети мои, говорят, пусть будут лучше меня, пусть будут хороши. То есть, другими словами, я меняться не буду, а дети пусть становятся прекрасными во всех отношениях. Вот где ложь.

Если я лучше не становлюсь, даже не думаю об этом, то откуда детям взять ресурс для улучшения, для защиты от зла? Они тогда обречены умножить мои ошибки, развить их и довести до логического конца. Боже! Сохрани!

От редакции. Иному читателю может показаться, что размышления протоиерея Андрея Ткачева вроде бы не касаются напрямую темы номера «Что такое счастье?». Но это только на первый, и поверхностный, взгляд. Вспомним, что человек, по словам о. Андрея, не данность, а цель и задача. То есть человек – это движение, процесс. И мысленно представим: все, что заботит нашего собеседника, решается именно так, как надо бы, то есть в верном, православном ключе. Разве же это не счастье?

Воспитание детей – это вопрос воспитания взрослых. Раствлеаются дети взрослыми, ими же развращаются, ими же оболваниваются и погубляются.

Стоит нам заняться взрослыми, как вопросы, связанные с детьми, начнут подниматься и решаться сами, в силу органической связанности одних и других.

А что до защиты их от мира, то вспомним слова Христа касательно апостолов. Они были сказаны в последней Первосвященнической молитве Спасителя: «Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла» (Ин. 17: 15).

Так и нам стоит молиться за своих детей.

*И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, <...> не потеряет награды своей.
Мф. 10, 42*

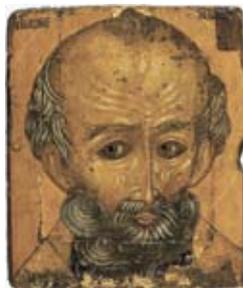
Здравствуйте! Простите, что обращаюсь! Горе и боль заставили меня к Вам обратиться! Я тяжелоболеющая мать-одиночка (очень тяжелое неизлечимое заболевание головы), дочь страдает заболеванием почек, недавно вышла из больницы, больна воспалением по гинекологии. Помогаю по уходу за тяжелоболеющим лежачим священником заштатным (нуждается в помощи).

Нам очень тяжело, у нас нет жилья, живем, где приютят! Очень просим Вас: если можете, помогите нам чем-либо на жилье, лекарства, одежду и продукты! Простите нас! Помогите, пожалуйста, чем-либо, хотя бы рублем, может, наберется с Божией помощью необходимая сумма!

Очень прошу Вас, если можете, разместите еще мою просьбу о помощи, где сможете, может, еще кто откликнется и поможет нам!

Благодарю Вас! Простите! Помолитесь, пожалуйста, о т. б. иером. Филиппе, дочери Татьяне!

Спаси Господи!

**Святитель Николае,
угодниче Божий,
защитниче всех
обидимых и гонимых!
Не оставь без твоей
милости, поддержки
и защиты...**

Реквизиты:

Тихомирова Наталья Геннадьевна
Московский Банк Сбербанка России ОАО СДО 01115
Московского Банка Сбербанка России ОАО
БИК 044525225
ИНН 7707083893
КПП 775003009
к\с 30101810400000000225
в ОПЕРУ МГТУ Банка России
счет МФР 30301810800006003800
счет получателя № 42307810138091733784
тел. 89636494544
Спаси Вас Господи!

Не – за что, а вопреки

Отец Михаил Васильев был нашим собеседником в предыдущей «Лампаде». Но разговор с главным батюшкой всех десантников частично коснулся тогда темы нашего теперешнего номера. И мы сочли целесообразным предложить читателям этот фрагмент беседы сегодня.

Счастье – понятие столь многосоставное, что обсуждать эту тему можно не только бесконечно долго, но и вряд ли исчерпывающе. Однако есть нечто, без чего, совершенно очевидно, счастье всегда ущербно, иначе – невозможно.

Я согласен с отцом протодиаконном Андреем Кураевым, что романтические, прекрасные формы супружества, полное совпадение двух человек – идеал, чаще всего недостижимый. Именно поэтому большинство браков заключалось исходя из общественной важности этого акта. Родители, не спрашивая детей, создавали сильную, здоровую семью, и там рождались прекрасные дети. «Стерпится – слюбится» – это выражение родилось не случайно. Оно христианское по своей глубинной сути. Стерпится – идет от смирения, а оно – первая добродетель христианина. Слюбится – значит, что понятие любви шире, объемней нынешних представлений о том, что любовь – это, прежде всего, телесное желание. Любовь – есть совпадение людей друг с другом по многим параметрам. Такое бывает редко? Увы, да. Мне кажется, сейчас нам очень важно редуцировать опыт других народов, где процессы создания семьи определенным образом регулируются, а не отдаются во власть стихии страсти. Хроменький найдет хроменькую, заика найдет заику... Этим занимаются родственники, ищут по соседним тейпам, семьям, родовым гнездам... Чтобы в итоге каждый имел семью. Мне кажется, и нам, в русском народе, надо не искать одни лишь душевные приятности, а относиться к этому как к важному делу, чтобы наш народ не умер и вместе с ним не умерла бы и наша вера. Нет, вера, конечно же, совсем не умрет, но на нашей земле опять могут... Впрочем, почему могут? – уже живут в большинстве язычники.

Когда-то многие народы на Северном Кавказе были христианскими (те же черкесы), а потом утратили веру, и не только утратили, но и испытыва-

ют ярость к христианским традициям, уничтожая даже древние византийские храмы на своей земле или, по крайней мере, пытаясь это делать. То же самое, к сожалению, может быть и у нас на Руси. Редкая бандгруппа на территории России не имеет внутри себя этнических русских, которые приняли соответственно чужую веру, проявили не свойственный многим традиционным этническим мусульманам фанатизм в своем желании все уничтожить, разрушить. В том числе и поэтому происходят теракты: находятся люди, для которых вера предков не имеет значения.

Не хочу, чтобы у читателей сложилось впечатление, будто я считаю, что удовлетворение желаний плоти есть показатель человеческой испорченности. Как отец четверых детей, женатый прекрасным браком, я могу утверждать противоположное, опираясь хотя бы на личный опыт. Без всякого преувеличения, у меня замечательная супруга, добрая христианка. Когда меня благословили на священство, а я к этому ну никак не был внутренне готов – философский факультет МГУ, кафедра научного атеизма! – именно Мария настойчиво и тактично помогла мне сделать жизненно важный выбор.

Так вот, я не считаю, что желания плоти греховны по определению. Они могут трансформироваться в грех, но не это заложено в домостроительстве нашего спасения. Господь сказал: «Плодитесь и размножайтесь». Не следует понимать эти слова вульгарно, то есть бездумно и безответственно, что сейчас, к сожалению, сплошь и рядом имеет место. «Плодитесь и размножайтесь» – это значит, нужно воспитывать новое поколение, собственных деток, так, чтобы они захотели разделить твои жизненные устремления. Нужно стать

сотрудником в них, чтобы совместным трудом создать во Христе новую плоть, новое тело, достойное данной Господом души.

Очевидно, что народ Божий, какими являются в христианской традиции детки, рождается только в союзе любви, в союзе, который пусть и не равноправен, но одинаково уважителен ко всем, ибо основан на любви. Потому и навык потерпеть не ложится непосильным бременем на супругов. Любишь не за что-то, но, как говорил один замечательный французский летчик, – вопреки. Это очень ценно и важно. И только в этом случае есть надежда, что если кто-то один потерпит за двоих, то семья сохранится. Без этого терпения – хотя бы у одного! – совместная жизнь невозможна. Семьи, которые не разрушились, ничем не лучше тех, которые распались. Просто среди тех, кто сохранился, всегда оказывался один, который просто терпел. У каждого есть грех, но если потерпеть, потрудиться над тем, чтобы его преодолеть в христианской любви, – все сложится. А иначе все можно разрушить. Всегда есть повод хлопнуть дверью и уйти. Из дома ли, с работы... Всегда есть повод взять и кому-то что-то доказать, начать вычленять правду из нашего множества правд, и на выходе получаем... Вроде бы хотели как лучше – а получили как всегда.

Черепаша, которой приделали крылья

История этой заметки довольно необычна. Мне, как главному редактору журнала, захотелось узнать о своей сотруднице Марине Невцетайевой несколько больше того, что я о ней знал. Обратился к ней с этой просьбой. Вскоре получил ответ. И приписку: «Извините, неожиданно написало намного больше того, что нужно, и, наверное, совсем не так». А я посмотрел-посмотрел этот текст и решил, что с ним полезно будет познакомить и наших читателей. Разумеется, с согласия автора.

Павел Демидов

Старший, Лев, предъявил вместо себя фото, далее папа Сергей, мама Марина, дочь Настя, второй сын Юрий. И киска Хаку

Фото Ларисы Беляевой

Родилась в Москве. Училась в обычной школе. Сменила таких школ четыре штуки. По «лит-ре» с историей успевала на пять, по другим предметам средненько. Лет с семи началось творчество: стихи, рассказы, дневники. Бабушка, работник газеты «Правда», уговаривала стать журналистом, но газеты в детстве казались страшно скучным занятием. Хотя первая публикация случилась в 14 лет, в «Учительской газете».

Окончила школу в 91-м. Поступила на филфак пединститута. В честь этого события родители подарили путевку в Черновцы на турбазу, там меня путч и застал. Вернувшись в Москву, я первым делом рванула к Белому Дому. Читала надписи на стенах, а поливальные машины их смывали. Особенно запомнилась одна фраза: «Фашизм страшен в любом

проявлении». Что-то включилось внутри: я почувствовала себя очевидцем. Проснулся интерес к факту. Оказалось, что окружающая реальность – это поток взаимосвязанных неслучайностей. А я и не знала!..

Первый курс вуза был прожит в школе № 734 под крылом великого педагога Александра Наумовича Тубельского. Предполагалось, что студент, с пеленок погруженный в школьную среду, станет более эффективным учителем, чем тот, кто до шестого курса живых детей в глаза не видел. Эксперимент провалился, но опыт перепал бесценный. До сих пор им пользуюсь.

Замужество (неудачное), рождение сына, институт пришлось бросить. В 90-е я была с моим народом – сидела в долгах по макушку, торговала книжками, отбивалась от рэкетиров,

сдавала драгоценные метры кому придется. Неустроенность здорово поспособствовала воцерковлению. Я очень благодарна Богу за нее. Есть люди – их, кстати, не так уж мало, – которые приходят в Церковь от полноты сердца. Увы, я к ним не отношусь. Меня к Христу привело оскудение. Зато потом... потом началась настоящая жизнь.

Никогда не верила в любовь с первого взгляда, но против факта не попрешь: у нас с мужем началось именно так. Подобный подарок свыше – большое испытание, скажу я вам. Очень страшно не удержать планку. Воцерковлялись мы на пару, в храме Покрова в Измайлове. В январе 1999-го обвенчались, и с тех пор вместе. Кто муж? Волшебник. Ну, почти. Он методолог – это такие люди ненормальные, которые разрабатывают и внедряют разные стратегии развития. Для промышленности и образования. Сейчас, сегодня, в России. То есть они верят, что наша страна способна развиваться, а не только проедать ресурсы. И у них, представьте, даже находятся клиенты. Все нынешние методологи – ученики Георгия Щедровицкого. Среди представителей этой профессии, как в окопах, нет атеистов. Буддисты попадают, а в основном все православные.

Муж тоже второбрачный, у него есть сын. Еще мы вместе родили дочь, так что у нас трое. Старшему 20, среднему 16 и дочке 9 лет. Взрослый – жених, средний – подросток, ну а дочка – она и есть дочка. Очень люблю, когда все трое оказываются под одной крышей в нашей хрущобе. Быт сразу же приобретает привкус бредовости, с которым все проблемы нипочем. Правда, сейчас дети уже подросли, можно сказать, остепенелись. То ли дело раньше: пять минут – и дом вверх дном! Все дети, кстати, Сергеевичи, ни один паспортный стол не придерется. Что касается внешнего сходства... Соседка по даче, которая не в курсе, кто чей, как-то заметила

«У твоих младших, Марин, от мамы ни черточки! Зато Юрка – просто копия!» Умора: Юрий – единственный, в ком я «не участвовала». Никогда не приходило в голову делить детей на своих и чужих. По-моему, это невыносимо. Я не смогла бы жить в такой ситуации. А муж просто сбежал бы.

Вот уже десять лет работаю журналистом. Долго искала свою нишу. Своего читателя, чтобы мы совпадали. Когда нет возможности писать о своем, быстро выдыхаешься. В 2008-м нашла «Лампаду». Признаюсь честно: мои гонорары для семьи – подспорье, а не основной доход. Я порой сравниваю себя с коллегами, которых, как волков, ноги кормят. С теми, для кого журналистика – хлеб, квартплата, лекарства, бензин. Смогла бы я делать, скажем, новости «на заказ»? Криминальную хронику? Освещать жизнь глянцевого тусовки? Не знаю.

Мне нравится Сеть: никогда не знаешь, какую жемчужину выудишь в ее тине. Нравится феномен «гражданской журналистики». Как ни странно, имена в нашей профессии до сих пор достаются прежде всего тем, кому

есть что сказать. Нас ценят за личную позицию. И убивают тоже за нее. Значит, она необходима. Я пытаюсь донести эту мысль до подростков. В школе №1811, где учатся мои дети, я веду СМИ-проект. Мы с ребятами издаем газету, настоящую, 16 полос с цветной вкладкой. Народу нравится.

Я люблю свою маму, старенькую, и папу, еще молодого. Как многим людям, мне было очень трудно простить родителей за обиды, нанесенные в детстве. Не было сил тащить дальше этот груз. Но как забыть? И тогда Бог сделал чудо. Однажды вся горечь просто взяла да исчезла. Прошлое больше не болит. Я дышу свободно, какая красота!

Что я еще люблю? Книжки, разные, но больше всего – сказки. Лошадей. Гитару мужа. Кошек и собак. Деревню, поле, железную дорогу, открытый горизонт. Пишу стихи, рассказы. Иногда участвую в литературных конкурсах. Музыка люблю: фолк и альтернативный рок, но слушать приходится в основном рэп, потому что средний сын, придя из школы, допоздна крутит свои треки «в контакте». Естественно, вместо уроков.

Как-то раз в одном издательстве мне предложили написать книжку для православных женщин. Я трудилась целый год. Насочиняла полторы сотни страниц. Получила гонорар. Подписала каждый лист макета. И тут издательство... пропало. Все пароли посыпались. Ссылки не открывались. Телефон перестал отвечать. Так я и не дождалась выхода своей книги, чему сейчас несказанно рада. Черновые наброски, сохранившиеся среди рабочих файлов, я иногда просматриваю себе в назидание. Какой же я, оказывается, бываю занудой, когда берусь рассуждать о высоком!

Если вы спросите меня, что в жизни главное, я не придумаю ничего лучше подростковой формулировки «быть собой». Вот этот вот самый «быть собой» – он, чем дальше живешь, тем труднее дается. Может, где-нибудь, когда-нибудь меня ждет полет без усилий. А пока каждый взмах требует огромного напряжения. Чувствуешь себя черепахой, которой приделали крылья: и страшно, и стихия кругом неуютная такая, неустойчивая. Но без этого неба уже никак.

Марина Нецветаева

Единица измерения

Задумывался ли ты, читатель, почему слово *счастье* употребляется только в единственном числе, а его антоним – *несчастье* – и во множественном? Счастье – это онтологически естественное, единственно нормальное состояние, которое должно длиться, сколько длится человеческая жизнь, а несчастья – преходящие эпизоды, которых может быть сколь угодно много, по многим причинам, но прежде – от самого человека зависящим.

И хотя человек рожден для счастья, как птица для полета (А.П. Чехов), оно остается для многих вечно искомым и труднодостижимым. Кто только ни пытался вывести формулу счастья! В лучшем случае, провозглашал себя счастливым сам «открыватель». А это означало одно: у каждого – своя формула, свой заветный ключ.

Что, как не сожаление, может вызвать недавнее «изобретение» британскими учеными десяти правил для счастья. Набор примитивных советов – словно таблетка от головной боли: выполнишь – и будешь счастлив. Но поистине удручает правило № 9: «Принимайте себя таким, какой вы есть, не закливайте на собственных

недостатках». Иными словами, не стремитесь исправлять себя, будьте довольны собой – и будете счастливы! Оторопь берет, когда представишь, что весь мир будет состоять из таких «счастливицев».

А в гималайском королевстве Бутан пошли еще дальше: приняли у себя модель Валового национального счастья (ВНС) и предложили через ООН всем последовать их примеру. ВВП, по убеждению гималайцев, не отражает степень счастья страны, нужен разумный баланс между материальным и духовным. Бутанскую идею поддержали уже 66 государств.

Потрясающе! Все ходят, как коты вокруг сметаны: хватит, мол, жить только земными утехами, надо думать о душе. Но признать, что все давно записано и на Моисеевых скрижалях, и в книгах Нового Завета, что все правила жизни преподаны в Божественных установлениях, что соблюдай их и будешь счастлив, – признать в этом не хватает... смелости? мужества? ума? Или попросту мешает пустая гордыня?

«Счастье находится в нас самих, и блажен тот, кто понял это» (Святитель Нектарий Эгинский).

...И врата ада не одолели его

В сентябре 2011 года исполняется 200 лет Казанскому кафедральному собору в Петербурге. Шестьдесят из них он, по воле большевиков, был вместительным Музеем истории религии и атеизма. И хотя в 1992 году богослужения в храме возобновились, музейщики чувствовали себя хозяевами, оказывающими Церкви не более чем любезность.

Именно так встретили здесь 15 лет назад и нового настоятеля, протоиерея Павла Красноцветова. Директор музея привычно разъяснил священнику, что воскресную литургию необходимо заканчивать до 11 часов, чтобы не мешать экскурсиям. С субботней всенощной проще, а поскольку в среду в музее выходной, весь день вообще ваш. «Извините, но это собор, и мы будем служить литургию, как положено – каждый день в 10 утра. Примерно до двенадцати, но может быть и позже», – вежливо, но твердо сказал отец Павел. Он не ссорился, никого не обличал, но сразу дал понять, кто здесь в гостях. Если бы работники музея знали историю семьи Красноцветовых, их не удивила бы решимость немолодого священника.

Отец Павел – священник в пятом поколении, но его дед и отец приняли сан в зрелом возрасте, и оба в самое трудное для Церкви время. Дед, Михаил Григорьевич, до революции – сельский учитель, страховой агент, судья. В 1920 году переехал с семьей в Сибирь, спасая жену и детей от голодной смерти. Через год принял сан. В его показаниях, во время первого ареста, в 1931 году, записано: «В октябре месяце я перешел в священники в село Малоскарденное, потому что считаю несовместимым служить в советском аппарате и быть религиозного убежде-

ния». Потрясает не только мужество, но и честность: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю. Среди населения никакой антисоветской агитации я не вел и своим верующим никогда не говорил, чтобы они не отпускали ребят в школы. Наоборот, я просил прихожан учить своих ребят в школах, но предупреждал, чтобы они следили за религиозным воспитанием ребенка. То есть, чтобы дома учили молиться. С обновленцами я вел активную работу, не допускал их ко причастию, не принимал в восприемники (кумовья), не допускал в свидетели при бракосочетании».

Расстреляли его после второго ареста, в 1937-м.

Сын, Григорий Михайлович, сменил профессию рентгенотехника на наперсный крест спустя девять лет поле гибели отца. Рукополагал его в диаконы 80-летний митрополит Новосибирский и Барнаульский Варфоломей (Городцов), до этого прошедший лагеря и ссылки. Прислуживал иерарху-исповеднику в алтаре 14-летний Павлик Красноцветов. Именно тогда он решил поступать в семинарию, понимая, что его ждет.

Отца Григория направили в город Алейск, на Алтай, и Павел с первого дня алтарничал в храме. В Алейске он познакомился с еще одним исповедником, отцом Михаилом, вернувшимся после десяти лет отсидки. Батюшке было чуть за сорок, но в лагере он подорвал здоровье, ходил с трудом – ноги распухли. Устроился сторожем на колхозном поле. Однажды узнал, что две колхозницы – тайные монахини. А они по его большой бороде догадались, что сторож – священник, и приютили у себя. К концу войны Павел закончил только пять классов, а для семинарии нужно хотя бы семь. Срочно пошел в школу рабочей молодежи, где юноше не раз приходилось слышать злобное шипение великовозрастных одноклассников. Не отставали от них, надо ска-

зать, и учителя. Но он все же пробился в Московскую семинарию.

Свое первое служение иерей Павел начал на селе. Потом был приход под Ярославлем, где молодого, энергичного и пытливого батюшку заметил председатель ОВЦС архиепископ Ярославский и Ростовский Никодим (Ротов, будущий митрополит Ленинградский и Новгородский) и сделал своим секретарем. С 1964 до 1970 года служил в Берлине, а позднее, уже после смерти митрополита Никодима, несколько лет был настоятелем Никольского храма в Вене. Вернувшись из Австрии в 1986 году, был назначен настоятелем Преображенского собора в Петербурге (тогда еще Ленинграде). Заболел, перенес тяжелую операцию. Вскоре после выздоровления митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Владимир предложил ему стать настоятелем Казанского собора. Не каждый священник на седьмом десятке да после перенесенной операции решился бы принять храм, нуждающийся в восстановлении. Но Красноцветовы никогда не искали легких путей, не просили поблажки. «У нас, священников, есть правило: если архиерей благословляет, мы принимаем его благословение», – говорит отец Павел. Однако ничего этого не знали работники музея, иначе едва ли рискнули бы настаивать батюшку в собственных правилах.

Протоиерей Павел организовал приход и приступил к восстановлению собора, построенного по инициативе императора Павла.

В 1781-1782 гг. будущий император с супругой Наталией Алексеевной (урожденной принцессой Вильгельминой Гессен-Дармштадтской) путешествовали по Европе, и Павел был так потрясен красотой и величием собора святого Петра в Риме, что, взойдя через 14 лет на престол, почти сразу объявил конкурс на лучший аналогичный проект. Конкурс проходил с 1797 до 1800 года. Первоначально предпо-

Отец Павел Красноцветов – священник в пятом поколении

чение было отдано шотландцу Чарльзу Камерону (автор Павловска и Царского Села), но при поддержке графа А.С. Строганова, ответственного за строительство, работы поручили его бывшему крепостному Андрею Воронихину.

Строительство началось в 1801 году, уже после убийства императора Павла, и продолжалось десять лет. Осветили собор 15 (27) сентября, в день празднования коронации Александра I. Собор был возведен чуть южнее храма Рождества Богородицы. Оттуда в новый храм перенесли хранившуюся там чудотворную Казанскую икону Божией Матери – список, сделанный с иконы, явленной в Казани в 1576 году. По преданию, этот список был сделан вдвое больше оригинала и отправлен Ивану Грозному. В Москву он пришел в 1590 году, через шесть лет после смерти Грозного, а после избрания на царство Михаила Федоровича стал любимой иконой дома Романовых. Икона хранилась в царских палатах, а в 1710 году по приказу Петра I ее перевезли в Петербург. «И поставил в основание града Петрова икону Казанской Божией Матери», – поется в акафисте образу. А храм Рождества Богородицы разобрали, и сегодня на этом месте фонтан. Несколько лет назад его ремонтировали и во время ремонта обнаружили старый фундамент.

Вскоре после освящения собор стал храмом воинской славы. В его западной части погребен фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов. Его тело было доставлено в Петербург из Пруссии, где он скончался в апреле 1813 года. Сюда привезли и знамена, отбитые у французов, и ключи от многих городов, взятых русскими войсками. В 1837 году на площади перед собором установили памятники Кутузову и Барклаю-де-Толли.

В 1920-е годы большинство флагов с могилы великого полководца увезли в Москву, в артиллерийский музей. Исчезла и часть ключей. Саму могилу при советской власти несколько раз вскрывали. Висевшую над ней Смоленскую икону Божией Матери, которую фельдмаршал всегда брал с собой в походы, заменили новодель-

ным образом. Подлинник поместили в Музей истории и религии (бывший Музей атеизма). Вместо золоченого голубя с лампадой в клюве над изголовьем теперь висит орел французского или польского типа. Когда произошла замена, неизвестно. Ничего удивительного. Некоторые современные атеисты уверяют, что именно благодаря музею удалось сохранить многие культурные ценности (слово «святыни» в их лексиконе отсутствует). Но как сегодня это подтвердить или опровергнуть? Известно, что после 1000-летия Крещения Руси, когда изменилось отношение государства к Церкви, здесь были обретены мощи преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких, Серафима Саровского, святителя Иоасафа Белгородского. Но если многие иконы в годы воинствующего безбожия действительно были спасены стараниями сотрудников художественных музеев, то в музее атеизма что-то сохранилось скорее благодаря беспорядку.

Когда открылся музей, туда передали много святынь, прежде изъятых у храмов и монастырей, в том числе и мощи святых. Но трудно сказать, сколько из них было украдено или уничтожено. Отец Павел вспоминает, как в одной из комнат (а там работали люди!) он видел на полу до двух десятков разорванных напрестольных Евангелий.

Как ни странно, государственный атеизм иногда приносил и пользу. Не погибли, например, мощи Валаамских святых и Серафима Саровского: о них просто забыли. Благодаря рабочим музея, но не иначе как по Промыслу Божию, сохранились мощи святителя Иоасафа Белгородского. Это вообще удивительная история. В 1956 году в Астрахани объявилась сибирская язва. Было приказано всем музеям страны мощи из экспозиций убрать, а лучше – уничтожить. Двое рабочих, которым директор поручил расправиться с мощами святителя Иоасафа, были, видимо, людьми верующими. Они завернули тело в оберточную бумагу, потом в штору и еще в черную бумагу, перевязали и закопали на чердаке, в большом слое шлака. В 1990 году один из них перед смертью рассказал об этом своей дочери. В присланной из епархии в музей комиссии был и отец Павел Красноцветов. «Мощи сохранились без

какого-либо тления, даже нос не провалился», – вспоминает батюшка.

После тщательной экспертизы и прочих необходимых процедур святыню торжественно отвезли в Белгород.

И все же до сих пор точно неизвестно, сколько мощей, находившихся в музее, пропало. Исчез ковчег с частицей мощей священномученика Гермогена, с 1919 года хранившийся в храме. Когда в 1917 году в Москве проходил Собор, на котором избирали Патриарха, митрополит Вениамин (Казанский) жил в той самой келье Чудова монастыря, где за триста с лишним лет до этого находился в заточении Патриарх Гермоген. Во время очередного штурма красноармейцами Кремля владыка вышел из кельи, и через несколько секунд туда попал снаряд и разорвался. Когда он рассказал о чуде Патриарху Тихону, Предстоятель дал ему частицу мощей святого. Вернувшись в Петроград, митрополит Вениамин решил устроить в подвале Казанского собора пещерный храм, который в 1919 году освятил в честь священномученика Гермогена, а ковчег с частицей его мощей поставил в алтаре. В 2007 году этот храм полностью восстановлен, там совершаются богослужения. Отец Павел запросил у музея мощи, через некоторое время оттуда перезвонили и сказали, что никаких сведений нет.

Даже когда музею выделили новое здание на Почтамтской улице, переезжать сотрудники не спешили, догадываясь, что вне собора количество посетителей у них значительно уменьшится – атеизм выходил из моды. Еще в 1999 году митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Владимир, министр культуры РФ В. Егоров и губернатор В. Яковлев подписали документ о передаче Казанского собора Церкви, но только в 2001 году музей окончательно покинул стены храма.

Однако вернемся в 1997 год, когда новый настоятель приступил к восстановлению собора.

Первым делом поставили временный иконостас из ДСП с бумажными софринскими иконами и тут же приступили к изучению чертежей и исторических документов. В книге архитектора Аплаксина, изданной в 1911

Со страхом Божиим и верою приступите...

Прихожане храма, кавалеры ордена Александра Невского

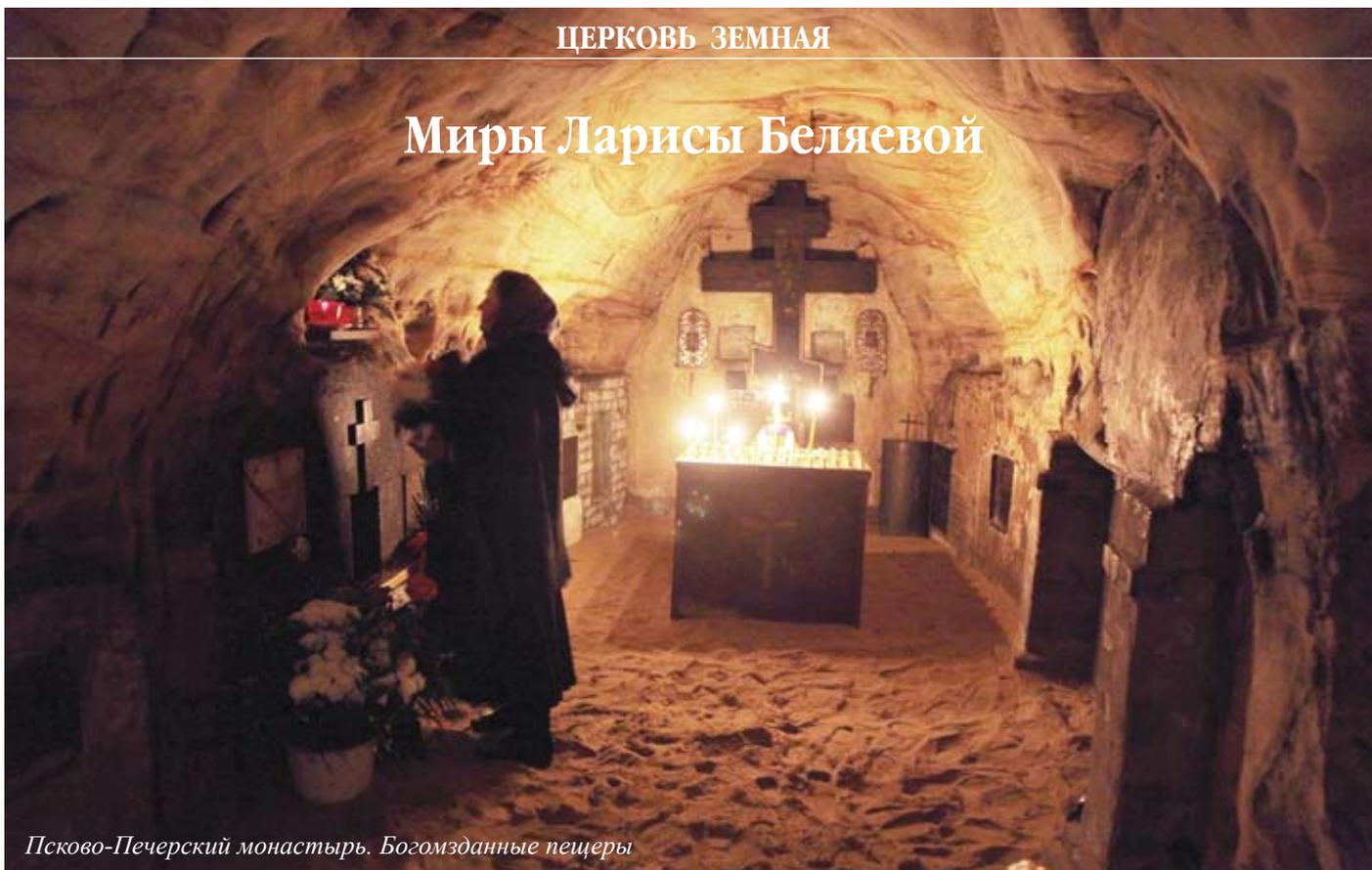
Пресвятая Богородице, спаси нас!

году к 100-летию Казанского собора, отец Павел прочитал, что первый иконостас – в виде триумфальной арки – спроектировал Воронихин, но в 1836 году его заменили. Еще в 1812 году Кутузов приказал казачьему атаману Матвею Платову, отбившему у французов обоз с серебром, передать дорогой металл (46 пудов – кубки, приборы) в Казанский собор. Потом серебро перешло на хранение в Александро-Невскую лавру, но в начале 1830-х гг. было решено использовать его для нового иконостаса, спроектированного Константином Тоном. Серебро прокатали, сделали красивую чеканку, украсили рубинами и покрыли иконостас. Сорока шести пудов явно не хватало, и по приказу Николая I было добавлено необходимое количество серебра – всего на иконостас пошло 1800 килограммов! В 1924-1925 гг., изымая церковные ценности, большевики разобрали иконостас. К счастью, один из помощников отца Павла, профессор Университета железнодорожного транспорта Анатолий Николаевич Лялинов, нашел в университетском музее папку «Проекты Казанского собора». По чертежам иконостаса Тона был восстановлен. Правда, вместо листового серебра, которое сегодня днем с огнем не сыщешь, покрыли сусальным. Пришлось искать выход и с восстановлением колонн. Прежние – цельные, из яшмы – еще в 30-е годы увезли в Академию наук. Делать новые невозможно – и безумно дорого, да и не найти сегодня камень в четыре метра высотой и полметра диаметром. Сделали искусственные столбы под яшму – приставили к металлическим колоннам две половины, прикрутили, зашпаклевали, и теперь незнающий человек не отличит их от настоящих. Прежний иконостас расписывали известные художники – Боровиковский, Андрей Иванов (отец Александра Иванова – автора «Явления Христа народу»), Тюрин, Уржумов. Сегодня эти росписи находятся в Русском музее, но группа студентов Академии художеств сделала копии. В Академии их работы приняли как дипломные.

К нынешнему двухсотлетнему юбилею собора следов мерзости запустения не осталось.

Фото Ильи Трифонова и Павла Демидова (Санкт-Петербург)

Миры Ларисы Беляевой

Псково-Печерский монастырь. Богомзданные пещеры

Она родилась в Москве в семье художников. Уже в школе увлеклась фотографией, стала посещать Дворец пионеров. Когда пришло время определяться с будущей профессией, все произошло вроде бы как-то само собой. Бывшая мамина одноклассница, известный фотограф Ия Анатольевна Гжелская и ее муж, фотокорреспондент газеты «Красная звезда» Виталий Павлович, стали с ней

заниматься. Началось сотрудничество с газетами. Однако Ларису всегда тянуло увидеть за внешним видом фотоснимка нечто большее – суть человека, события, суть вещей, понять их смысл.

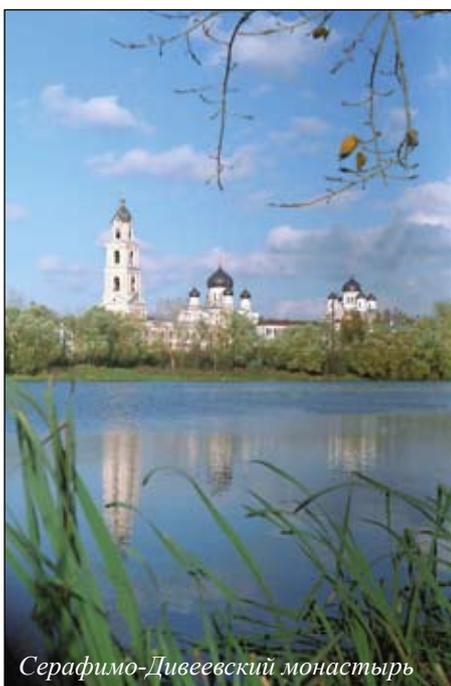
Так, настойчивый духовный поиск привел ее к вере, в лоно Русской Православной Церкви. Фотоаппарат становится ее постоянным спутником, ибо она видит: церковная жизнь настолько динамична и насыщена, что всегда нужно быть наготове.

Окончила Свято-Тихоновский богословский институт (ныне гуманитарный университет). Двухгодичные курсы церковной журналистики при Издательском совете Московского Патриархата. Курсы «Издательское дело» в Московском учебном центре профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации.

Трудилась в храме иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине, в Свято-Даниловом монастыре, в газетах «Русь Державная», «Русский деловой вестник», «Как жить», в Отделе внешних церковных связей Московского Патриархата. Участвовала в выставке, посвященной Русской Православной Церкви, в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. Сейчас основное место работы – художник-фотограф Русского духовного театра «Глас». Аккредитована в качестве фотокора при Всемирном русском народном соборе, постоянный автор

журналов «Лампада», «Православный паломник», газеты «Русь Державная».

Эти фотографии взяты с персональной выставки Ларисы Беляевой, которая проходила в одной из библиотек Северного округа Москвы. Ну, а если кто-то захочет увидеть, как выглядит сама Ларису, пусть он найдет в «Лампаде» анкету журнала «Скажите, пожалуйста...». Лариса Беляева ведет эту рубрику, там же есть и ее фото.

Серафимо-Дивеевский монастырь

Троице-Сергиева лавра. Пятницкая башня и колокольня

Смерть можно побороть усилием воскресенья

В Петропавловской крепости Санкт-Петербурга завершился первый этап раскопок останков жертв «красного террора» 1918-1921 годов. Поводом для работ послужила страшная находка при строительстве автобусной стоянки в декабре 2009 года. Было найдено около 20 скелетов. Останки содержащихся в бастионах крепости юнкеров, офицеров и, предположительно, привезенных в нее за три часа до расстрела великих князей Романовых – Георгия и Николая Михайловичей, Димитрия Константиновича и Павла Александровича (трое из них канонизированы РПЦЗ в 1981 году). Большевики держали под стражей не менее 500 политзаключенных и заложников, за что Заячий остров северной столицы называют первым в ГУЛАГе. Всего обнаружено семь захоронений, два из них – не разграбленные, остальные, очевидно, перекапывались в 30-е годы.

Раскопки на участке в одну тысячу квадратных метров между Головкиным бастионом и Кронверкской про-

токой проводились по инициативе Государственного музея истории (ГМИ) Санкт-Петербурга¹.

¹ По материалам сайтов: <http://mitropolia-spb.ru>, <http://www.psmb.ru/>

Вспоминаю, как первый раз оказалась на этих раскопках. Земляные работы уже завершены – из могил извлечены останки погибших, и теперь необходимо очистить их от земли. Вместе с небольшой группой добровольцев мы вошли в комнату, огляделись, растерялись: пол

комнаты застелен газетными листами и поделен на «сектора», каждый сектор пронумерован (например, «Мог. 6, № 5» – скелет № 5 из 6-й могилы). А на газетных листах...

Наталья Евгеньевна Петрова, ответственная за проведение всех иссле-

довательских работ, сказала несколько слов для вновь пришедших. Немного из истории обнаружения захоронения, из истории расстрелов 1917-1918 годов, о людях, которых возможно будет опознать здесь... Наше растерянное молчание, несколько вопросов. Те, кто здесь уже

не первый раз, начинают вводить нас в курс дела – кисточки, газеты, стеллажи, пластиковые контейнеры – нам надо было очистить кости и сохранившиеся фрагменты одежды и обуви от земли, попытаться опознать предметы, подписать их... Растерянность не проходит... Наконец-то прерывается наше молчание – кто-то говорит: «Давайте помолимся... Несколько слов и «Вечная память»... Таким было наше первое «приветствие» всем, невинно убиенным, неопознанным, неузнанным, кто лежал в этой комнате, с кем мы тогда пришли на встречу – каких только встреч не предуготовил нам Господь!

Потом мы работали. Все, кому выпало очищать останки, после говорили, что не испытывали отвращения: «Ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3: 19). Вот сапог – размер большой, высокое голенище. А внутри косточки, земля, ветошь, обрывки тканей (портянки? брюки?). Руки чистят щеткой, скребут, оттирают, а голова ведет разговор: «Вот сапог-то, огромный, и кость... Высокий был? Матрос? Офицер? Здоровый, видный... За что ж тебя? Как? С кем?... А в сапоге-то – носок, шерстяной, домовязанный, рядочек за рядочком... Значит, кто-то заботливо вязал тебе носок, а вон как оно вышло...» А в кучке рядом – грифель синий. Карандаш истлел, а грифель остался! Провела по газете – синий-синий, рисует отлично! И продолжается наш разговор: «Говорят, это юнкера с карандашиками-то были, совсем молодые... Ты – юнкер?»

Некоторые приходили сюда еще не раз за последние девять месяцев. Нужно было срочно почистить и обработать все останки – иначе плесень и гибель.

Подготавливалась антропологическая экспертиза – разбирали кости, складывали костяки. В декабре 2010 – январе 2011 года группа ученых из Института этнологии и антропологии РАН исследовала останки. Удалось идентифицировать не менее 86 костяков, установить возраст и пол погибших людей. Затем – анализ остатков тканей, одежды, пуговиц и значков: выяснить социальный статус, род войск, время расстрела. Это все работа для специалистов. Нам только оставалось изредка навещать и спрашивать: ну что, что-то удалось обнаружить?

Руководители проекта – Владимир Игоревич Кильдюшевский, научный сотрудник Института материальной культуры РАН, и Наталья Евгеньевна Петрова, ведущий научный сотрудник ГМИ СП(б) – занимаются исследованием уже более полутора лет, за что музей

оплатил им только два месяца. Поиск спонсоров и специалистов, работа в архивах – все легло на их плечи. Об исследовании объявляли по радио, приглашали знакомых. Приходили люди и бесплатно предлагали свою помощь. А работа – не приведи Господь. Минувшим летом по 12 часов просиживать в канавах, где термометр зашкаливает за полсотни градусов, – каково?! Падали в обмороки... А душе? Те, с кем мне удалось пообщаться, говорили, что в одиночку не оставались, всегда приходили вдвоем, троим. Хотя работали все больше молча.

Передо мной всегда возникал вопрос: что движет всеми этими людьми, почему они не прошли мимо? За ответом я обратилась к руководителям проекта и некоторым добровольцам.

Владимир Игоревич Кильдюшевский: До сих пор петроградские события сентября 1918 – января 1919 года мало освещались в прессе и почти не присутствовали в сознании людей. О них давно забыли. Но ведь именно здесь начало раскручиваться колесо массовых репрессий! Когда раскопки только начались, нам говорили, что этого быть не может, чтобы в Петропавловке расстреливали. А оказалось, там было все – и тюрьма, и суд, и расстрел, и могилы. Здесь на сотнях людей отлаживали конвейер смерти. Через несколько лет расстреливали и хоронили уже тысячами, выкапывали огромные братские могилы в специальных местах (около Петербурга – Ржевский полигон, Ковалевский лес и другие). Поставьте себя на место людей, которые видят эти могилы своими глазами, но не читают о них в учебниках.

Нам помогали поисковики из отряда св. Георгия, из Петроградского муниципального объединения – ребята, которые много лет работают на раскопках времен Первой мировой войны. Люди привычные, но даже они потрясены тем, что

открывалось глазам. В каждой могиле останки 15-20 человек. Почему именно столько? Обычно столько дел каратели успевали «изучить» за день, ведь расстреливали незамедлительно. Да и большие могилы было сложно рыть – два-три солдата наскоро копали глубокую яму, туда как попало сбрасывали тела. Само понятие «расстреливали» – это тоже не совсем то, что мы себе представляем. Все кости и черепа были очень сильно повреждены. Нам объяснили антропологи: эти травмы – от ударов прикладами по лицу, по голове, от добивания штыками, а простреленные черепа – так называемые «контрольные выстрелы».

Выяснилось, что расстреливали не только военных, но и гражданских; не только взрослых, но и очень молодых (скорее всего, кадетов-юнкеров), и пожилых мужчин, и женщин. Сохранились шляпы и шляпки, шпильки, портсигары, пенсне, украшения, вставные челюсти. У нас есть предположение, что мы обнаружили могилу, в которой лежат останки людей, чьи фамилии были в расстрельном списке, опубликованном в «Петроградской правде» в декабре 1918 года. Среди убитых были женщина и инвалид без ноги, что позволило нам зацепиться за этот список. Мы предполагаем, что среди расстрелянных была Вера Шульгина, хозяйка кондитерского кафе, где, по «легенде», была явка заговорщиков – вербовочная квартира, откуда она отправляла офицеров на Север. Протокол допроса нашли, она все отрицала; найдено Постановление ПетроЧК – «разстрелять», а где – не указано. Также мы предполагаем, что нашли останки генерал-майора Александра Николаевича Рыкова¹ (он был инвалид, без одной ноги). Мы нашли внука А.Н. Рыкова, он живет в Петербурге. Недавно он сдал анализ крови для проведения генетической экспертизы. В Женеве живет его родная тетка, которой более 90 лет. Она также с трепетом ожидает окончания экспертизы. Сейчас мы можем сказать лишь о нашем предположении, очень осторожно, чтобы не потревожить чувства потомков.

Необходимо тщательно обследовать территорию, поднять и перезахоронить всех, по возможности восстановить хотя бы некоторые имена расстрелянных, а также создать мемориал. И, конечно, почтить их память. Первая лития по тем людям, чьи останки столько десятилетий

¹ Александр Николаевич Рыков расстрелян в 1918-м году; инвалид, Георгиевский кавалер, герой Порт-Артура, генерал-майор флота.

тий пролежали в безвестности, была совершена в Петропавловском соборе Петропавловской крепости 6 октября 2010 года. А 30 октября – в день памяти жертв политических репрессий – по инициативе Свято-Петровского братства в органном зале факультета искусств СПбГУ на Васильевском острове состоялся благотворительный концерт. На собранные деньги удалось отреставрировать вещи и провести вот эту антропологическую экспертизу. Я удивился и обрадовался количеству пришедших людей. Были и пожилые, родственники которых погибли от репрессий, и совсем молодые люди. Я думаю, что все это осталось в душе и какие-то гражданские чувства пробудились.

Хотелось бы сделать постоянную экспозицию на территории Петропавловской крепости: находки, вещи, архивные материалы того времени, фотографии. Может быть, среди людей старшего поколения есть те, у кого сохранились семейные архивы, какие-то материалы, которые помогли бы осветить период 1917–1919 годов. Моя бабушка давно умерла, но она помнила эти события и рассказывала мне. Вот так же может быть во многих семьях. Наше поколение обязано вспомнить, записать все это, для того, чтобы оставить своим детям, внукам. Это, конечно, тяжело, часто совестно, вспоминать, как люди в тех или иных обстоятельствах не имели мужества выступить против, а плыли по течению. Однако сейчас настало особое время, и нам надо знать историю своей страны, своего рода без идеологических прикрас, знать, что с нами было.

Наталья Евгеньевна Петрова: Когда мы только начинали, то не думали, что находки будут настолько масштабными. Первые же результаты нас просто ошеломили. Дело в том, что в официальных источниках никогда и нигде не упоминалось, что в Петропавловской крепости расстреливали и, тем более, хоронили. Мы обязаны провести эту работу не только из-за ее исторического значения. Это долг нашей совести. Сейчас здесь гуляют люди и не знают, по какой земле они ступают. Но без финансирования ничего не сделать. Руководство музея «благословило» продолжение раскопок этим летом. Но денег у музея нет. При этом одни только земляные работы стоят около 700 тысяч рублей.

Музей обращался в разные структуры – без результата. На запрос в Министерство культуры ответа мы не получили; в Комитете по культуре Администрации города сказали, что нет статьи рас-

Потан Петрович Корнеев, его жена и дочери. Такие чистые, одухотворенные лица... Расстреляны все

ходов, по которой можно было бы провести поисковые работы; КГИОП (Комитет по государственному использованию и охране памятников) отказал в финансовой поддержке, мотивируя отказ тем, что археология (?) не в их ведении.

Мы вынуждены обращаться в различные благотворительные общественные фонды. Собираемся открыть целевой расчетный счет. Очень рассчитываем на поддержку неравнодушных людей и надеемся на продолжение работ в этом полевом сезоне.

Алина Яковлева, добровольный помощник, Свято-Петровское братство: Вначале было трудно. И нужно было постоянно молиться, потому что это очень сильно поддерживало. Я остро почувствовала, что для меня эти люди – живые. Я не могу их воспринимать как мертвых. Чем больше о них узнаешь, тем тяжелее все переживается: они становятся еще ближе. Представьте: благотворительный вечер, звучит музыка Баха, в финале на большом экране портреты людей, чья судьба была сходна с судьбой пострадавших. Разных сословий, профессий, возраста, известные и неизвестные... Их объединяло одно – все они были или расстреляны, или репрессированы, пропали без вести в лагерях. Мне очень запомнилась одна фотография – крестьянская семья, такие чистые, одухотворенные лица... После концерта служилась лития. Молились все – и те, кто имели молитвенный опыт, и те, кто, как

было видно, не очень умели молиться, но они старались. Чтобы быть всем вместе.

Юлия Балакишина, организатор концерта: Мы каждый раз начинали работу с молитвы. Трудно было найти точные для такой ситуации слова обращения к Богу. Мы стали молиться о тех, чьи останки бережно держали в руках, о том, чтобы их непрожитые жизни не ушли как вода в песок, чтобы живы они были не только в Божией памяти, но и в людской. У Бориса Пастернака есть удивительная поэтическая строчка: «Смерть можно будет побороть усилием воскресенья». Для меня и моих друзей наши труды на раскопках в Петропавловской крепости стали таким «усилием воскресенья» живой молитвенной памяти о тех безымянных и безвестных, кто первыми приняли на себя удар наступающего «дивного нового мира».

Мне тоже запомнился тот музыкальный вечер. Всматриваясь в лица, смотревшие с экрана, я невольно сравнивала их с нашими современниками и печалилась, что в нас часто уже не увидишь того спокойного достоинства и красоты, которые так отличают людей всех сословий на дореволюционных фотографиях. Что с нами произошло? Что в нас надломилось или выродилось? Поиск ответов на эти вопросы – серьезная, может быть, именно церковная задача, потому что только в Церкви у людей есть опыт подлинного и исцеляющего покаяния. В Преображенском Содружестве, которое состоит из малых православных братств по городам России, уже несколько лет мы размышляем о проблеме «антропологической катастрофы» (термин М. Мамардашвили), имевшей место в России в XX веке. В снятом нами небольшом документальном фильме «Преодолевая забвение» об этом размышляют протоиерей Георгий Митрофанов, народная артистка России Светлана Крючкова, доктор исторических наук, профессор Б.И. Колоницкий.

30 октября в разных городах нашей страны проходят встречи, посвященные тем, кто стал безвинными жертвами тоталитарной системы, а также тем, кто смог оказать ей духовное сопротивление. Участие в раскопках в Петропавловке дало мне возможность еще раз, не только словом, но и делом искать ответы на вопросы об исторической памяти, о необходимости личного и общенародного покаяния, о смысле и качестве духовных усилий, необходимых для возрождения нашего народа.

Подготовила Юлия Антипина

«И там я за нее буду молиться» Вторая родина русского святого

Когда Ване было пять лет, семья потеряла мать и за детьми стала ухаживать старшая сестра, муж которой служил диаконом в сельской церкви. Будущий святитель учился в Бельском духовном училище, затем – в Смоленской духовной семинарии, а по ее окончании первым учеником в 1856 году поступил на казенный счет в Санкт-Петербургскую духовную академию. 21 июня 1860 года Иван Касаткин принял монашеский постриг с именем Николай, 29 июня был рукоположен в иеродиакона, а на следующий день – в иеромонаха. Затем последовала долгая дорога в Японию.

Святитель Николай лишь дважды ненадолго возвращался на родину: в 1869–1870 годах для ходатайства об учреждении Русской духовной миссии в Японии и в 1879–1880 годах в связи с епископской хиротонией и сбором средств для нужд миссии.

В его дневниках сохранились воспоминания о встрече с родными, единственной за время полувекового служения в Японии.

В июле 1880 года епископ Николай вернулся в Японию и с тех пор ни разу больше не приезжал в Россию. 28 марта 1906 года указом Святейшего Синода епископ Ревельский Николай был возведен в сан архиепископа. Признание миссионерского подвига владыки во время русско-японской войны было воспринято им со смирением и некоторой долей юмора: «Значит верно, что я переименован в архиепископа. Ну и ладно».

Неимоверными каждодневными трудами и самоотверженным попечением о своей пастве святитель Николай сумел взрастить практически самостоятельную Поместную Церковь. Было открыто 175 церквей и 8 крупных храмов-соборов, в клире состояло 40 священнослужителей-японцев.

В самом Токио, помимо Воскресенского кафедрального собора (известного также как «Николай-до», то есть «Храм Николая»), действовало несколько церквей, богослужение велось на японском языке. При миссии существовали духовная семинария, получившая официальный статус среднего учебного заведения Японии, женская

Иван Дмитриевич Касаткин родился 1/13 августа 1836 года в селе Береза Бельского уезда Смоленской губернии.

школа, приют, издательство, библиотека. Святитель Николай с помощью своего соратника Павла Накаи перевел Священное Писание и основной круг богослужения на японский язык. В течение последних 17 лет своей жизни во время ежедневных утренних и вечерних занятий были переведены и многократно выверены все книги Нового Завета. Затем последовали Постная Троица, Праздничная Минья, Паремийник, Псалтирь, Ирмологий.

«3 февраля (16 февраля по новому стилю) в 7 часов вечера, а по-петербургски около 12 часов дня, не стало высокопреосвященного Николая, архиепископа Японского... Он мирно, без каких-либо предсмертных страданий, но после долгой и тяжелой болезни преставился ко Господу на 76-м году своей жизни, на 52-м году своего служения Церкви Божией, на 51-м году со времени своего прибытия в Японию. Горько заплакал я, стоя у постели владыки, только что покинувшего меня одиноким... Один... Сирота... Тайна смерти... Тайна великая воли Божией... Но сердцу от этого не было легче, и оно плакало...», – вспоминает преемник миссионера епископ Сергей (Тихо-

миров) о скорбном дне 1912 года. – Но верхом почета, какой воздала Япония владыке архиепископу Николаю, было то, что сам *император* Японии... прислал на гроб владыке великолепный и громадный венок из живых цветов. И прислал не секретно!.. Приняв венок и ответив на слова передачи благодарностью, мы возложили венок к возглавию святителя... Сам *император* Японии увенчал победными цветами главу святителя Божия!.. Внутри венка два иероглифа: «Он-Си», т. е. *высочайший дар*... И все японцы сии два иероглифа видели, читали и благоговейно пред венком склоняли свои головы!.. Начав при смертных опасностях, закончил свою деятельность в Японии владыка Николай при одобрении с высоты *трона*».

Казалось, вся Япония хотела проститься с архипастырем: в собор спешили христиане из множества приходов Японии; миссия принимала телеграммы с выражением соболезнования от иностранных представителей, от верующих и неверующих японцев.

Несколько христиан-японцев непрерывно читали Евангелие у тела архиепископа Николая, в соборе одна за другой служились панихиды. Только через шесть дней – 9/22 февраля – было совершено погребение. «При начавшемся трезвоне обнесли гроб вокруг собора, установили его на колесницу и, выстроив процессию,... отправились до кладбища Янака... Рвет неистово хоругви наши ветер... Идут воспитанницы, воспитанники... У всех в руках пальмовые ветви – «символ веры в победу дела владыки в Японии»... Многочисленные цветы... Сотни венков... Ордена владыки... И лента, бесконечная лента христиан!».

В 1970 году первый благовестник православия в Японии архиепископ Николай (Касаткин) был причислен к лику святых. Святителю Николаю Японскому были составлены служба и акафист на русском и японском языках. В честь владыки был освящен придел токийского кафедрального собора, а несколько лет спустя японская паства возвела часовню рядом с собором. В городе Маэбаси Токийской митропо-

лии был построен храм во имя святителя Николая.

Сейчас в Японии, ставшей второй родиной для архиепископа Николая, существует 69 православных приходов. В большинстве из них построены храмы, а в некоторых – верующие собираются в домовых церквях. На каждой литургии во всех приходах Японской Православной Церкви поется тропарь святителю Николаю, прославленному в лике святых в 1970 году. Несколько храмов освящены во имя архипастыря и основателя Православной Церкви в Японии: часовня на территории Воскресенского собора в Токио, преобразованная в 2005 году в православный монастырь, один из приделов самого токийского кафедрального собора, храм святителя Николая в Маэбаси (Токийская митрополия).

В каждом храме Японии есть икона или фреска святого покровителя этой Поместной Церкви. Честные останки равноапостольного Николая сейчас покоятся на токийском кладбище Янака. Но частички мощей святого все же можно найти в некоторых храмах: в токийском соборе есть мощевик святителя Николая, икона с частицами мощей недавно появилась и в Хакодате, где иеромонах Николай только начинал свою проповедь почти 150 лет назад. В 2003 году митрополит Токийский Даниил передал частичку мощей миссионера приходу на его родине, в деревне Береза.

Миссионера чтут и во многих других странах. В Корее вспоминают миссионерскую помощь святителя Николая и владыки Сергия (Тихомирова) и обучение корейских православных пастырей в Токийской духовной семинарии. В Финляндии и Болгарии написаны свои образы святого.

В Йоханнесбурге (Южная Африка) в 1987 году было создано общество имени святителя Николая Японского. Впоследствии оно было преобразовано в приход Александрийского Патриархата, и сейчас службы там совершаются в собственном храме, освященном во имя равноапостольного Николая. Богослужение переведено на язык африкаанс, но можно услышать и славянские, и византийские песнопения.

В Америке святитель Николай почитается прихожанами и Американской, и Антиохийской, и Русской Зарубежной Православных Церквей. В 2004 году в Плимуте, штат Калифорния, был образован приход Американской Православной Церкви во имя равноапостольного Николая Японского.

Иконы архипастыря есть в кафедральном соборе в Вашингтоне, в монастыре святителя Иоанна Шанхайского в Калифорнии, в Троицком монастыре в Джорданвилле, в соборе Пресвятой Богородицы Русской Зарубежной Церкви в Сан-Франциско.

Монастырь Иоанна Шанхайского выпустил первый на английском языке исторический сборник, посвященный трудам миссионера и жизни Японской Православной Церкви. Сначала это был тематический номер православного журнала, а затем, в 2005 году, вышла в свет отдельная книга.

Об архиепископе Николае помнят в нарвской православной гимназии в Эстонии. Ее преподаватель Роман Цуркан способствовал публикации в 2002 году части рукописного наследия – писем святителя – отдельной книгой, уже ставшей библиографической редкостью в силу ограниченного тиража. Это издание предшествовало пятитомнику дневников святителя и

стало ценным материалом для исследователей.

Самоотверженное полувековое пастырское служение миссионера с 1861 года способствовало возведению в нехристианской стране почти 200 православных храмов, открытию почти 300 приходов и крещению десятков тысяч человек.

Архиепископ Николай (Касаткин) приехал в Японию молодым 24-летним иеромонахом и провел здесь всю свою жизнь. Оставаясь русским человеком и сопереживая всему происходящему в России, владыка в то же время искренне и горячо любил Японию. Японская паства относилась к нему с такой же сыновней любовью. «Радуйся, друга и брата в народе Японстем обретый», – поется в акафисте святому (икос 5).

«Каждый из токийских семинаристов утверждал, что именно его архиепископ Николай любил больше всех. И каждый делился своими воспоминаниями с чистым восхищением и теплой улыбкой, – читаем мы в статье «Вестника Японской Православной Церкви» за февраль 1935 года, посвященной памяти архипастыря. – Величие архиепископа Николая можно сравнить с той значимостью, какую для нас, японцев, имеет гора Фудзи – символ японского духа».

За несколько дней до кончины архипастырь так напутствовал скорбящих о его болезни японских прихожан: «Я всю свою жизнь отдал Японской Церкви. А теперь пришла пора отдать ей и тело. Мое тело... обратится в японскую землю. Пусть будет оно залогом, что моя душа всегда будет с Японскою Церковью. И там я за нее буду молиться».

Публикация подготовлена по материалам и фотографиям Галины Бесстремной

Крестный ход прихода Томакомаи на острове Хоккайдо

Православный лагерь на острове Хоккайдо

Общество потребления не имеет будущего

Япония никогда не находилась на периферии общественного внимания. Главным образом благодаря своим успехам в самых разных сферах жизни. Сегодня Страна восходящего солнца – центр всеобщей тревоги, ибо катастрофа на Фукусиме таит реальную угрозу всему живому на земле. На этом фоне даже отошли на второй план кровавые события в Африке, пришедшиеся на ту же пору.

Волны цунами в Японии и штормы моря житейского в Африке – явления, берущие начало из одного корня. Корень этот в безудержной страсти людей к удовлетворению своих мирских желаний – стремлению властвовать, обогащаться, сводить смысл жизни лишь к тому, чтобы получать удовольствия и развлекаться. Те, кто лишены такой возможности, но видят, как это делают другие, считают существующий мир устроенным несправедливо, завидуют, возмущаются и – как результат – бунтуют. А другие продолжают двигаться по пути, который почему-то считается прогрессом, – разоряют недра, изводят зверье, губят растительный мир, загрязняют атмосферу, и всё ради одного – ради потребления. И, при необходимости, подавляют недовольство первых.

Мир содрогнулся не без оснований. Словно только что узнал из Евангелия: «Восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам» (Мф. 24, 7). Нет, мир знавал это и прежде. Но толку? Куда и сегодня главным образом направлена пытливая мысль? Сделать атомные станции более надежными, чтобы впредь... Исследовать ошибки прошлого при проектировании и строительстве станций, чтобы впредь... Найти альтернативные виды топлива, чтобы впредь... Эти два слова можно назвать алгоритмом нашего времени: *чтобы впредь* нам было так же комфортно, сытно и весело и даже лучше, чем прежде. И ни один из высоких научно-технических или политических умов даже близко не подошел к главному: сколько можно жить брюхом, а не духом?

Если представить, как выглядит наша несчастная планета оттуда, сверху, из горнего мира... Совершим мысленно путешествие во времени и в пространстве. Вспомним слова, ставшие понятиями: Чернобыль, Саяно-Шушенская, теперь вот Фукусима... Ирак, Сербия, теперь вот Ливия... Наркотрассы – как параллели, опоясывают земной шар... Фарватеры сомалийских пиратских лодок... Горы мусора вокруг весей и городов то ли в России, то ли в Италии, то ли еще где... Спустя время потомки (если доживут) обнаружат в раскопках миллиарды использованных полиэтиленовых пакетов и пластиковых бутылок, синтетическую одноразовую посуду, поломанные телевизио-

Николай-до был восстановлен всего за 4,5 месяца

ры, компьютеры, холодильники, автомобили и назовут находки культурным слоем.

«Человечество, смеясь, расстается со своим прошлым». Смысл, который Маркс вкладывал в эти слова, надо бы понимать так: ...потому что впереди прекрасное будущее. Видел бы он нас, сегодняшних... Хлесткий неологизм *стёб*, пожалуй, наиболее точно выражает наше сегодняшнее отношение к миру, в том числе и к самим себе. Смех, безудержный и безмотивный, стал своего рода камертоном, по которому настраиваются умы и души. Кто против веселья и смеха? Но когда они становятся главным содержанием жизни, ее смыслом, пожирателями свободного времени, глушителями эмоций, тормозом движениям сердца, – тут уж, простите за каламбур, не до смеха. Вполне поначалу приличная и даже яркая телевизионная «Большая разница» докатилась в итоге до пародии на передачу «Жди меня». Едва ли не единственную на ТВ, где действительно сострадают людям, искренне разделяют их горе и, как могут, стараются помочь найти друг друга. И помогают! Что в этом смешного? Но ржут остроумцы на сцене, и вместе с ними заходится в смехе зал.

Особь статья в нашем искусстве – современник. Забуддыга и дебил как образ народа особо лелеем мастерами искусства. И прежде всего потому, что гарантирует успех у зрителя. А те ржут радостно не столько потому, что смешно. Просто каждый убежден, что сам он вовсе не такой. О сладостной притягательности греха осуждения говорили не только духоносные старцы. Эта свойство людей хорошо знают и сегодняшние смехотворцы. И плодотворно используют его.

Трагические события в Японии – серьезное предупреждение людям: прекратите безумствовать. Но это никакая не кара островному народу, а Божия милость всем нам, потому что урок преподан в наименее катастрофичной форме (в сравнении с тем, чего мы заслуживаем), но достаточно ощутимой, чтобы не пройти мимо. Во-первых, эти люди явили всему миру пример сплоченности, мужества, самоотверженности, любви к своей родине. Во-вторых, трагедия произошла в высокотехнологичной стране, что позволит ей быстрее встать на ноги (одна деталь: во время землетрясения 27 сверхскоростных поездов шли со скоростью 270 км в час; ни один не сошел с рельсов и ни один пассажир не пострадал). В-третьих, островное положение грозит меньшей опасностью соседям, чем, допустим, то же в центре населенного континента.

Общество потребления не имеет будущего. Вы можете утолить жажду морской водой? То-то. Не имеет будущего и общество, у особой которого хорошо развиты только челюсти и мышцы лица. Но атрофированы мышцы сердца. Желудок и желудочек – это не одно и то же.

Нам показалось уместным объединить эти заметки с рассказом о святителе Николае, русском иерархе, чими трудами была поставлена в Японии Поместная церковь, о человеке, благодарная память о котором живет в сердцах тысяч японцев, исповедующих Православие. Разумным, чистым сердцем и душой людям всегда есть чему поучиться друг у друга.

Павел Демидов

Горячий хлеб

Удивительно, как мы чувствуем себя в булочной или в хлебном отделе, — как дома. Будто бы даже лучше, чем дома. Вот малыши тянутся к деревянным лоткам с кирпичиками чёрного — огладить ладошкой тёплые хлебные бока. Самые пронырливые выглядывают, как бы отщипнуть от батона чуток хрустящей корочки. Те, кто постарше, одёргивают братиков и сестричек, а сами втягивают хлебный дух, нетерпеливо переминаются в очереди, сжимая в кулаке мятую десятку или мелочь.

Как-то одно время, когда дочке было лет пять, мы ходили через полгорода в ту булочную, куда привозили горячий хлеб прямо с завода. Знали, к какому часу его подвезут, и вот шли весенними дворами, отвлекаясь на первых бабочек, беспомощно белых, будто вылетевших на зябкий воздух в одних сорочках...

Всё это вспомнилось, прихлынуло само собой, когда перечитывал Евгения Носова. Одна из таинственных способностей настоящей литературы — пробуждать лучшие воспоминания, уносить к светлому.

А почему именно хлебное вспомнилось, так это легко понять давним читателям Носова. В редком его рассказе или повести не возникает перед героями хлебная коврига, как лучшая награда, как венец крестьянских забот или как мечта заветная.

Родился Евгений Иванович Носов 15 января 1925 года в селе Толмачёво под Курском. Был вечер, за окном трещал мороз, а в дедовском доме разливалась хлебная теплынь. Во многих своих рассказах Евгений Иванович вспомнит этот дом, дедушку Алексея и бабушку Варвару, поклонится им до земли. Ярким комочком счастья навсегда останутся в его душе дошкольные деревенские годы на берегу речки Сейм. «Был я тогда, — с улыбкой пишет Евгений Иванович в рассказе «Кулики-сороки», — медово рыж, острижен наголо, со следами золотушного крапа, ушаст, безбров и конопат...»

Ураган коллективизации вышвырнул семью из села в город, где пришлось долго ютиться по чужим углам.

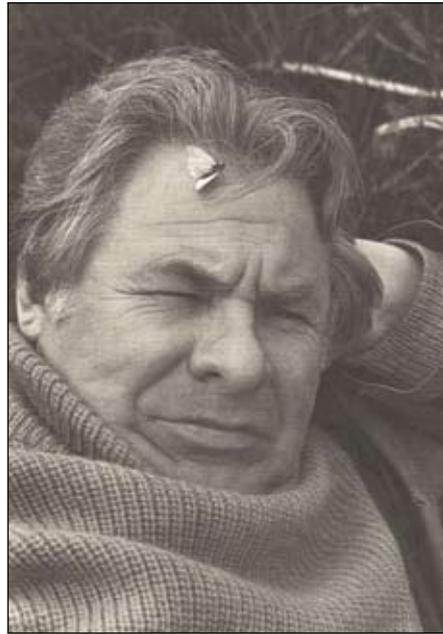

Фото Павла Кривоцова

Отец пошел в котельщики, а мать, надев красную косынку, — в ситопробойщицы.

Ранняя разлука с милым деревенским ладом всколыхнула в душе мальчика напряженное стремление запомнить свой детский рай, не утратить из него ни крошки, ни капельки. В сердце затаилась мечта вернуться, непременно вернуться на покинутую землю, в дедушкин дом. Туда, где «с лёгким шуршанием хлебы один за другим слетали с лопаты на выскобленную столешницу, и сначала кухня, затем горница и все закоулки в избе начинали наполняться тёплой, жирной сытостью, которая потом проливалась в сени, заполняла собой двор и волнами катилась по улице...»

Душистый хмель этих воспоминаний, должно быть, и разбудил в голодном мальчишке дар художника. В засушливом и трагическом 1932 году тысячи истощенных людей потянулись с выжженного зноем Поволжья через Курск на север. Многие погибали в пути. Курск тоже безнадежно голодал. Когда на будущий год Жене пришла пора идти в школу, мама только головой покачала: ну как потянуть учение такому удобному да немощному?

Напасти на Женю сыпались одна за другой, не давая передышки: то голод, то сыпной тиф, а за ним и коклюш, и

куриная слепота. Пацаны зло дразнили его «доходягой Жекой». И остался бы он на второй год, если бы не учительница Мария Алексеевна. Входя в класс, она всегда спрашивала, у кого что было на завтрак, да и был ли он вообще, этот завтрак. Женю она навещала дома, однажды принесла ему бутылёк с рыбьим жиром: «Пей каждое утро по столовой ложке».

На фотографиях середины тридцатых годов сидит десятилетний старичок, смиренно положивший руки на колени. И кажется, что он смотрит не на фотографа, а тшится рассмотреть что-то далёкое.

Жене Носову было шестнадцать, когда началась Великая Отечественная война. В 1943 году, после окончания восьмого класса, он ушел на фронт, стал артиллеристом противотанковой бригады. Участвовал в операции «Багратион», в боях на Рогачевском плацдарме за Днестром и в разгроме Бобруйского котла, освобождал многие белорусские и польские города. В начале весны 45-го года был тяжело ранен в Мазурских болотах под Кенигсбергом, во время страшных боев при прорыве восточнопрусских укреплений. Вернулся на родину санитарным поездом. Полгода был прикован к койке в госпитале подмосковного Серпухова. Правда, 9 мая уже кидался подушками от радости вместе с товарищами по палате.

Много лет спустя Евгений Носов вспомнит этот день в рассказе «Красное вино Победы». И всех своих товарищей воскресит бережным, любящим словом. И шумного волгаря Сашу, по прозвищу Самоходка, и рассудительного помора Бородухова, и молчаливого богатыря Михая из бессарабского городка Флаешты, и закованного в гипс с головой Копёшкина из пензенского села Сухой Житень... И вдруг ясно увидится, почему мы победили: не только все города большие и маленькие, но даже самые неказистые и, быть может, даже на карте не обозначенные деревеньки, — все имели своих защитников на фронте.

«...Я пытался представить себе родину Копёшкина. Оказалось, никто из нас ничего не знал об этой самой пен-

женской земле. Ни какие там реки, ни какие вообще места, лесистые ли, открытые... Я уже вторую неделю тренировал левую руку и, размышляя о копёшкинской земле, машинально черкал карандашом по клочку бумаги. Нарисовалась бревенчатая изба с тремя оконцами по фасаду, косматое дерево у калитки, похожее на перевёрнутый веник. Ничего больше не придумав, я потянулся и вложил эту неказистую картину в руки Копёшкина. Тот, почувствовав прикосновение к пальцам, разлепил веки и долго с осмысленным вниманием разглядывал рисунок. Потом прошептал:

– Домок прибавь... У меня домок тут... На дереве...

Я понял, забрал листок, пририсовал над деревом скворечник и вернул картину.

Копёшкин, одобряя, еле заметно закивал...»

И люди будут читать эти строки и плакать, плакать и читать.

В те годы, когда рассказ «Красное вино Победы» вышел в свет, критики спорили: какая правда правдивее – окопная или штабная? Какой взгляд на войну вернее – солдатский или маршальский? Но вот вышли военные рассказы и повести Носова, и весь этот надуманный спор забылся – открылась правда такая огромная, что она обняла все другие правды своим горестным материнским объятием.

После госпиталя, в сентябре сорок пятого, двадцатилетний фронтовик Евгений Носов вернулся в школу доучиваться. Ковылял на занятия, крестнакрест перевязанный бинтами. Когда он в первый раз открыл дверь класса, дети встали, застучав крышками парт, – приняли его за учителя. А дома на гимнастерке остались медали «За отвагу» и «За боевые заслуги» и два ордена – «Красной Звезды» и «Отечественной войны».

Получив школьный аттестат, вместе с молодой женой Валею уехал в Казахстан, на строительство железной дороги «Турксиб – Талды-Курган». Устроиться там калеке было некуда, спасибо местной газете – взяли в редакцию художником-ретушером.

Вернувшись в Курск, стал корреспондентом областной комсомольской газеты. К редакционным заданиям от-

носился, как к боевым. В 1952 году его послали в дальний колхоз подготовить полосу авторских заметок. Приехав в райцентр и не найдя машины, он выпросил лыжи и отправился за много километров, а через сутки, собрав необходимый материал, рванул обратно. Всю ночь шел на лыжах, а под утро пешком – порвались ремни на креплениях. Добравшись домой, не свалился спать, а засел печатать отснятые фотографии и править заметки...

В 1957 году в Курске в альманахе для детей был опубликован первый рассказ Евгения Носова. К моменту поступления в 1960 году на Высшие литературные курсы, он был уже автором двух книг. На курсах подружился с такими прекрасными писателями, как Виктор Астафьев, Новелла Матвеева, Василий Белов, Борис Можаяев...

Именно в это время у Евгения Носова сложилось очень скромное, крестьянское отношение к писательскому ремеслу. Он не любил громких слов и всегда чурался кого-то поучать.

«Я – обыкновенный смертный, как и все люди, и отличаюсь, скажем, от той же бабы Дуси только тем, что она, труженица, копает – иногда под морозью – картошку, а я сижу за столом да копаю слова...»

Кажется со стороны: невеликий это труд – «копать слова». Но оглянитесь, прислушайтесь. Да, слов вокруг нас много, как на ярмарке. Они сыпятся из телевизоров и радио, бросаются в глаза с рекламных афиш, глянцево лоснятся в броских журналах... И всё-таки какой-то скучный товар на этой ярмарке. Слова по большей части подержанные, да ещё будто измельченные, высушенные городским обиходом. Они лишь раздражают наш слух, но души то не касаются.

И вот попробуй тут найти слово живое, родниковое, то единственное, что ляжет на сердце читателя! Это никому не видимый, почти шахтерский по изнурительности, труд. Здесь даже интернет не поможет со всеми своими миллионами сайтов. Лишь редкому художнику открываются чистые, будто промытые в небесной лазури, слова. Они не поучают, а согревают и утешают, как тёплая, чуть грубоватая от натруженности, бабушкина ладонь.

Вот в рассказе «Кулики-сороки» бабушка лепит из теста праздничную птичку, приговаривает, а нам бы слушать её да слушать без конца: «Кулик – это тебе не то да сё да энто самое... Ево из хлебного остатка, из одольев не сварнакаешь. Сивополапый получится. Кулик – он ба-а-а-рин. Белой мучицы требует. Штоб лепился-то ладно да послаже был... Вот берегла запасец на случай...».

И как хорошо посиживать рядом с бабушкой в тёплом доме, когда на улице ходит промозглый ветер, а весенняя вода-снежица норовит залить двор и подкрасться к крыльцу.

Посылая в журнал «Смена» свой новый рассказ, Евгений Иванович писал: «В этой вещице я пытаюсь рассмешить, хотя юмор и хохмачество – не моя стезя. По сути своей – я романтик и лирик, во всех своих повестях и рассказах я непременно кого-то люблю и сочувствую (хотя о самой любви писать стесняюсь)...».

В одном из рассказов писатель признавался, что может работать только «искренне любя и счастливо созерцающая». Этим счастливым созерцанием, как солнцем на утренней зорьке, пронизаны все книги Евгения Носова, начиная с самой первой (она вышла в 1958 году и называлась «На рыбачьей тропе»). Они полны, как Ноев ковчег, и не только зверушками и птицами, но и тем тишайшим народцем, что неприметно живет у наших ног. Тут и мурашки, и медлительные шмели, одетые в теплые плюшевые шубки. Здесь и сгорбившийся, как старик, сухой подсолнух, и молодая крапива, что глядит барыней. А над ними сыпет маросейный дождишко. А вокруг – сама земля наша, голубая странница в бескрайних космических полях.

Всё живое, всё с душой, с тихой душою о чем-то своём. И как бы ни был одинок человек, он всегда в соседстве с природой. Научись понимать её, жалеть, побереги всякое малое создание, и ты не будешь одинок. Вот увечный Кольша (из рассказа «Алюминиевое солнце») – самый бедный крестьянин в деревне, ему и печь-то к весне протопить нечем, и он выпрашивает полешко у дальнего родственника. Тот спихивает с воза березовую кряжину,

которая оказывается потом трухлявой, но из этой трухи вываливаются уснувшие на зиму лесные муравьи. И Кольша радуется им, как заморским гостям, бережно собирает мурашей в банку и относит в тепло, чтобы сохранить их покой до весны, а там отпустить на оттаявшей опушке. И сколько хлопот с этими мурашами, сколько счастья!

В одном из писем другу, переселившемуся из города на хутор, Евгений Иванович пишет: «Я порадовался тому, что у тебя свой клочок земли. Это то, что можно любить воистину – большой и тихой любовью – каждую травинку у обочины, каждый лопух под плетнем...»

Вот из этой любви и вырос тот дивный пейзаж в книгах Носова, что привел писателя на вершину отечественной словесности конца XX века. Представляю, что кто-то и поморщится при слове «пейзаж». Ведь и я в детстве спешил пролистать описания природы – они казались досадными «завитушками» на словесной ткани. Хотелось поторопить писателя: ну скорее, не глазей по сторонам, не задерживай героев, пусть они мчатся, бегут, крутятся в водовороте сюжета!

Но однажды я покинул маленький родной город и уехал в большой и далекий город на Урале и с тех пор перестал пропускать у классиков длинные описания природы. Я узнавал в них знакомые переживания раннего летнего утра и зимних сумерек. Родные звуки: скрип снега под валенками, гудки паровозов. Запахи костра и речной воды, очарование звездного неба...

Верю, что и вы, наши читатели, обязательно узнаете что-то родное в пейзажах, которыми открываются почти все рассказы и повести Евгения Носова. Пусть это случится не сразу, не при первом чтении. Но настанет такой вечер, такая минута, когда вы вместе с Варькой и Сашкой (из рассказа «Варька») побываете в ночном, посидите у костра, а конь будет тянуться к вам, тыкаться мягкими губами в лопатки, обдавая тёплым травяным дыханием. И какое упоение вы переживете, когда Варька и Сашка поскачут в открытые луга навстречу ветру!

А какая радость вместе с маленьким Женей и дедушкой Алексеем

отправиться на зимнее болото бить камыш на растопку (рассказ «Кто такие?»), по дороге открывая целое птичье царство. Как сладко ехать назад на санках, лежать на вязанке хвороста и слушать сквозь дрему дедушкин голос: «Одно слово – птицы! Куда захотели, туда и полетели. Ни тебе вода, ни огонь – всё нипочем. То-то и воля! Да-а... А я и сам... Иной раз заведу, запропасться куда ни то... Аж душа возликует! Займется радостью и согласием со всей этой тишиной и благодатью. И ты, как в младенчестве, как заново народился. Всё тебе чувствуется внове: и как земля пахнет, и кора, и снег. И забываешь про все на свете... Одни глаза, да уши... Да мир в душе...»

И как тут не вспомнить, что последний, завещательный рассказ Евгения Ивановича Носова называется «Покормите птиц!» Поздней осенней порой про этот рассказ хорошо бы узнать и самым маленьким – тем, кто читать ещё сам не умеет. Прочитайте его вслух в домашнем затишье – и увидите как заторопятся малыши мастерить вместе с вами кормушку. С каким торжеством будут выносить её на улицу! А потом от окна не оторвешь, всё будут высматривать – прилетел кто или нет...

«Кормушка – вещь нехитрая. Под неё иногда приспособливают даже обыкновенный пакетик из-под молока. Такая тоже сгодится. Кормушку не принято вывешивать под музыку. Деяние это во многом личное, схожее с исповедью. Оно столь же необходимо птицам, сколь и нам самим, ибо приносит очищение совести и благотворение души поступком...»

В лютые морозные дни Евгений Иванович развешивал по округе дополнительные кормушки, а вместе с ними и отпечатанные на старой пишущей машинке призывы к людям покормить птиц. Однажды кто-то из соседей придиричиво спросил: «Вам это поручили? Было указание?..». Евгений Иванович смущённо пожал плечами. Он с юности жил с чувством, которое поэт Е. Баратынский называл *чувством поручения*.

«Самые счастливые минуты, – говорил Евгений Иванович, – те, когда из

последних сил взойдешь-таки на гору и поставишь последнюю точку, как знамя победы...»

Ранения, полученные на войне, в последние годы часто бросали писателя-фронтовика на больничную койку. Но и там, в больнице, он всегда порывался работать.

Отдавая потом в местную газету новый рассказ, Евгений Иванович непременно в первых строчках благодарил врачей и сестричек: «Эти страницы написаны в стенах областной больницы № 1, где автор недавно пребывал на излечении, в связи с чем он выражает сердечную признательность врачам и сестрам, которые не только оказали ему помощь, но и проявили внимание...»

Главное своё, от Бога, поручение Евгений Носов видел в том, чтобы писать правду о войне. Впрочем, странное дело: никакой войны в книгах Носова нет. Ни батальных сцен, ни закулисных противоборств разведок и контрразведок.

В рассказе «Красное вино Победы» сюжет не выходит за стены госпитальной палаты. Героев повести «Шопен, соната номер два» мы застаём спустя тридцать лет после начала войны. В «Усвятских шлемоносцах» не звучит ни одного выстрела, но нет в нашей литературе другого такого реквиема павшим. В этой повести и часы, и календарь – всё остановилось на одной дате: 22 июня – и только стрелка дрожит. Здесь вечно будут усвятские мужики уходить в неведомую дальнюю дорогу.

Они уходят от нас знойным проселком, мимо поспевающих хлебов, шлепая сапогами, лаптями и веревочными чунями. Скрываются с глаз навечно в пыльном степном облаке. Знаем, что обречены, и хорошо, если из этой молчаливой колонны вернется десяток увечных мужиков... Но вот оберегающим словом художника они все – живы, навсегда заслонены от смерти...

Если бы мы желали своим детям не только успешности, сытости и продвинутой, но и доброты, то каждому выпускнику в школе вручали бы книгу Евгения Носова – как краюху хлеба в дальнюю дорогу.

Евгений Носов

Деревенские ласточки

Вчера без толку целый день просидел над поплавками.

Злой встречный ветер с самого утра ерошил потемневшую воду реки, будто силился задержать ее течение. Река вздымалась на стрежне, тяжелыми свинцовыми волнами шумно билась о крутой глинистый берег, и вода под обрывами была мутна от размывтой глины. Прячась от ветра, я сидел под кручей, а надо мной, на грани луга, торчала какая-то сухая былинка и все раскачивалась и жалобно посвистывала. Пробирало сквозь все мои свитера. Я доел консервы, достал из-за голенища большой рыбацкий нож и несколькими ударами пробил в боках и доньшке жестяной банки отверстия. На дно банки положил пустую спичечную коробку, сверху же – сухого коровяка, поджег – и моя маленькая печурка задымила, закурила едким кизячьим дымком. Поддерживая в ней огонек, я грел быстро зябнущие на ветру руки.

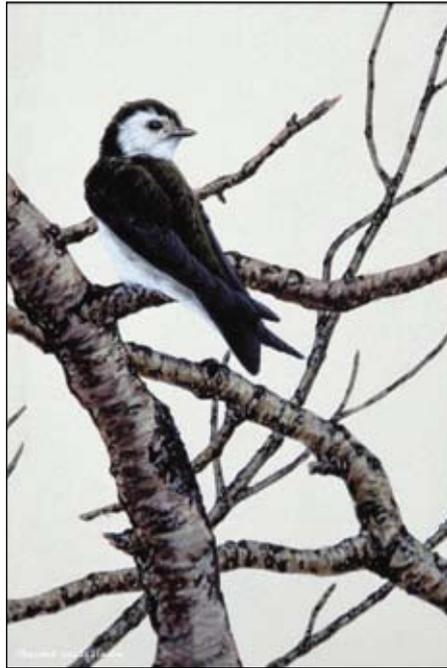
Скажите: и охота же сидеть в такую непогоду? Уж если бы клевало, куда ни шло.

Что поделаешь? Таковы все мы, рыболовы. Не сдаемся до последнего.

А клевать – верно, не клевало. Только под вечер поплавок на одной из удочек как-то нехотя окунулся, я подсек и вынул пескаришку. Он раз-другой трепыхнулся на крюке, обмяк и недвижно повис. Снимая, я взял его брусковатое тельце в руку, и почудилось, будто в моей ладони зажата маленькая льдинка: так нахолодала эта рыбешка.

Ну, конечно же, я тотчас выпустил пескарику. Он заслужил этого, не обидел рыболова, заставил, хоть один раз за весь день, вздрогнуть рыбацкое сердце, потопив поплавок.

И, уходя с реки с порожней сумкой, я не клял себя за «пустой» день, не зарекался, что, мол, хватит, всё, больше не пойду. В следующее воскресенье соберусь снова. И буду ходить, даже когда река станет, скованная льдом, и всю зиму и весной, по первым разводам, круглый год буду ходить. Потому что, в сущности, у рыболова не бывает пустых дней.

Неяркое осеннее солнце, сокращая свой путь, уже спускалось за синеющие холмы, над которыми летом в это время оно сияло высоко и в полную силу. Я шагал широким, ровным лугом, еще по-летнему свежезеленым, хотя по утрам он уже серебрился от инея. Шаггал навстречу косым солнечным лучам, холодным и резким, густо-багряным, от прикосновения которых тотчас пламенели и зеркальце луговых озерков, и белостенные хаты на косогоре, и дальний лес за деревушкой, и даже яркая зелень луга, вбирая в себя этот багрянец, приобретала необыкновенный и удивительный оттенок.

Ветер постепенно унялся, как обычно бывает под вечер.

Подходя к одной низинке, еще в весеннее половодье занесенной песком, на котором так ничего и не проросло за все лето, я невольно остановился. Над низинкой кружились деревенские ласточки.

Ласточки в середине октября! Холодный, пронизывающий ветер – и ласточки. Искрящаяся по утрам на лугу изморозь – и эти веселые щebetуньи, спутницы тихих, безмятежных летних зорь! В городе они исчезли еще в погожие сентябрьские дни. Стрижи улетели и того раньше, когда осень еще ничем

о себе не напоминала и в садах висели умытые росой душистые антоновки. А эти?

Их было много, не семейка, а целая стая. Видно, они не здешние, пролетом. Они кружились над песчаной балочкой в каком-то неудержимом хороводе: то низко скользили над самой землей, то круто взмывали вверх, расправляя свой вильчатый хвостик, то вдруг присаживались на песок и, не складывая длинных узких крыльев, а все время трепеща ими, перебегали по земле, затем снова взлетали, кружились и вспархивали кверху. В низких лучах солнца то и дело поблескивали их вороненые крылья и розовели белые грудки. Свой хоровод они вели в полном безмолвии. Не было слышно того радостного мелодичного щебетанья, без которого трудно представить себе деревенскую ласточку.

Я долго стоял неподвижно, любуясь этим необыкновенным сюрпризом поздней осени.

Но что означал этот танец крылатых? И почему они облюбовали для своего странного хоровода именно этот песчаный пятачок? Надо было выяснить. И я пошел к низинке. Вот что-то неуклюже полетело и ударилось о мою грудь. Я взмахнул рукой, разжал пальцы и увидел на ладони длинноногого рыжего комара, сантиметра три-четыре в размахе крыльев. Старый знакомый! Самая поздняя осенняя насадка из насекомых, на которую я обычно лавливал уклеек. Так вот, оказывается, что привлекло сюда ласточек! Комаров здесь оказалось множество. Это был их обычный осенний вылет.

А ласточки? Они не совсем охотно покинули свою «столовую». Сначала долго кружились вокруг меня, пока я топтался по песку, а потом вдруг собралась в плотную стаю и улетели. Я знал, что больше они сюда не вернуться. Надо торопиться к югу. Ведь и так запаздывали.

До свидания! До будущей весны!

Я шел домой, обрадованный этой встречей. И не беда, что за спиной висела пустая сумка.

Очарованный странник

Коровин любил путешествовать. Особенно в молодости. «Веселым корабельщиком» звал его Савва Мамонтов. Художник устремлялся то на Север вместе со своим другом Валентином Серовым – в Вологду, Архангельск, Мурманск, на Новую Землю, в Норвегию. То уезжал на юг, писал пышные розы Гурзуфа и портовые улочки Севастополя, узкие каналы Венеции и ночные площади Парижа, причалы Марселя и набережную Ниццы, соборы Флоренции и красавиц Барселоны. «Ему улыбались все краски мира» – так о Константине Коровине говорил К. Юон.

Мне кажется, главное свое путешествие Коровин совершил в срединную Россию. И не только в красках, но и в словах.

Когда в эмиграции заболел его сын Алеша, Константин Алексеевич, стремясь отвлечь юношу от тяжелых мыслей, стал писать для него рассказы. Писал каждый день и отвозил сыну в больницу. Это были воспоминания о детстве, о дружбе с Серовым, Левитаном, Чеховым, Шаляпиным, о жизни в той обетованной земле, имя которой к тому времени уже исчезло с карты мира.

Через много лет мемуарную прозу Коровина стали осторожно печатать в СССР, сопровождая строгими замечаниями, чтобы читатель не подумал, что

такая Россия, о какой пишет художник, и правда была на свете. В издании 1990 года в предисловии к книге «Константин Коровин вспоминает...» писали: «Его мемуарные очерки имеют налет идеализации... Прекраснодушные суждения Коровина... Несостоятельность панегириков автора по адресу старой России, его идеализация минувшего... Идейная ограниченность художника... Не от мерзостей ли тогдашней жизни бежал Коровин на лоно природы?..»

От мерзостей, конечно, бежал – от чего же еще? И всякий, в ком жива душа, бежит от них – при всех правителях, во все времена.

В конце жизни его мастерской стала литература, и весь свой гений колориста он обратил на воссоздание в слове своих лучших жизненных впечатлений. Так родились на свет, быть может, самые яркие, самые солнечные воспоминания в русской мемуарной литературе. «Какая во мне жажда восхваления всего, что вижу я...»

И в прозе Коровин оставался импрессионистом, дорожа прежде всего светом. Светом в природе и светом в душе. В юношеском дневнике художника есть такие слова: «После дождя – свет воздуха. Окраины предметов светлеют...»

Сам Коровин никогда не думал о себе как о писателе, не декларировал

Константин Коровин. Портрет работы художника В. Серова

каких-то литературных принципов. Писал как Бог на душу положит. Когда в редакциях Коровина упрекали, что он почти совсем не пишет о пережитых его поколением революциях, войнах, трагедиях, он разводил руками и говорил, что, может, и хотел бы написать об эпохальных событиях, но – как-то не пишется.

«Иногда вспоминаются незначительные события. И так это странно. Ведь в жизни много было такого, отчего в скорби и тяжести горя холодела душа и меркла надежда жизни. Таких тяжелых часов было так много. Но не они волнуют в воспоминаниях, а совсем иные, трогательные случаи, незначительные, проходящие около жизни...»

Это те самые случаи, которые большинство из нас даже и не считает случаем, не примечает, не умеет сохранить в памяти. Это – тихие окраины нашей суетной жизни, и как много в них таятся драгоценного для нас самих! Как важно видеть этот вечерний, обтекающий предметы свет.

Коровин любил ранние свежие утра, но у него много и ночных пейзажей и даже ночных натюрмортов. И там везде – огни, цветы, блики, отсветы, фонари, лунные прикосновения...

Свое раннее детство Коровин считал невероятно счастливым. Просторный дедовский дом на Рогожской ули-

Здесь можно увидеть работы К.А. Коровина:

Государственная Третьяковская галерея
Государственный Русский музей
Музей-заповедник «Поленово»
Костромской областной музей изобразительных искусств
Омский областной музей изобразительных искусств
Серпуховской историко-художественный музей
Севастопольский художественный музей
Ростовский областной музей изобразительных искусств

С прозой художника могут познакомиться новые издания:

Константин Коровин. «То было давно... там, в России...». В 2-х томах. М.: Русский путь, 2010

Книга эта была рождена многолетним трудом историка искусств и литературы Татьяны Ермолаевой, ещё в 1970-е годы начавшей собирать материалы о художнике в библиотеке Калифорнийского университета.

Константин Коровин. О животных и людях. М.: ОАО «Московские учебники», 2010

Великолепные иллюстрации художника Николая Устинова!

Село на Севере. 1890-е гг.

це, сад, любимый пес Дружок и лошадь по кличке Сметанка. Дом бабушки, где играли на арфе. «Музыка арф так красива, и мне казалось, что эта музыка похожа на синее небо, на облака вечерние, которые ходили над садом...» У бабушки, «когда говорили, смотрели в глаза друг другу», читали стихи, бережно листали старинный альбом, куда когда-то вписывал свои стихи сам Пушкин. Дача в Медведково, туда семья переселялась летом...

«До чего было прекрасно. Дорожки, зеленая трава, распутившиеся березки. Замечательно. И я совершенно был поражен, когда подошли к мосту и я с него увидел речку, бегущую воду, зеленые луга и у столбов моста стайку маленьких белых рыбок. Боже, до чего хорошо! До чего хороша эта деревянная дача с террасой, синие старые бревна... А уж на стол принесли молоко, мать поставила стаканы, плюшки, пеклеванный хлеб. Я взял стакан молока, хлеб и вышел. Передо мной лужок, я ем хлеб, пью молоко и иду по этому лугу...»

Дед Коровина, а потом и отец, «гоняли ямщину», арендуя тракт на Сер-

гиев Посад и далее на Ярославль. Но вот появилась железная дорога, и нужды в ямщиках не стало. Костеньке было лет семь, когда отец разорился. В доме появились какие-то злые, резкие люди – студенты. Мальчик их боялся.

«...Придут студенты, будут кричать: «Какой Бог, где он, Бог?» И какой-то студент скажет: «Я не верю в Бога...». И глаза у него мутные, злые, тупые. И он груб. И я будто чужой. Я ничто. Никто не подойдет, не скажет мне «Здравствуй...» Когда я остаюсь ночевать у бабушки, то бабушка велит мне в постели на коленях читать молитвы и молиться Богу, и после я уже ложусь спать. А дома мне ничего не говорят. Скажут: «Иди, ложись спать» – и только...»

К счастью для Кости, семье пришлось из Москвы переехать в деревню. Взрослым – горе, а мальчишке – радость.

«Какая красота в этой скромной жизни, в черном хлебе... Какая печаль в избе, когда светит лампада, как мне нравится Игнашка, Сережка, Кирюшка. Какие друзья закадычные. Какая прелесть в них, какая дружба. Как ла-

скова собака, как мне нравится деревня... Люди родные, свои. Все добрые, никто меня не ругает. Все поглядят по голове или посмеются... Я никогда не поеду в город... Я не замечал, что пришла бедность. Я не понимал ее. Мне так нравилось жить в деревне, что лучше я и представить не мог. И совсем забыл прежнюю, богатую жизнь: игрушки, нарядных людей... До чего хорошо зимой топить печи, особенно приятно пахнет испеченный хлеб... А в праздник идем в церковь, взбираемся на колокольню и трезвоним. Это замечательно...»

Но пришлось и Косте уехать в город. Благодаря другу семьи художнику Иллариону Прянишникову и, конечно, родителям, которые сами прекрасно рисовали (мать любила акварель, отец – карандаш), Костя поступил на архитектурное отделение училища живописи, ваяния и зодчества. Старший брат Сережа уже учился там на живописном отделении. Все бы хорошо, но болен отец (вскоре он покончил с собой), мать в тоске. Костя долго не мог свыкнуться с городской жизнью. С Сережей они мечтали по-

Портрет Любатович. 1880 г.

Бумажные фонари. 1898 г.

Портрет хористки. 1883 г.

Ручей святого Трифона в Печенге. 1894 г.

Зимой. 1894 г.

Сирень. 1915 г.

Цветы и фрукты. 1911 г.

скорее выучиться и уехать жить куда-нибудь на волю.

Читаешь его и улыбаешься, и думаешь: вот ведь какое гармоничное устройство имел этот и внешне очень красивый человек! Коровин будто прижимает мир к сердцу, и не в силах его отпустить. Сколько любви к птахам, зверью, людям, и все у него как-то рядом, вместе – как у Ноя в ковчеге, и никто друг друга не ест. Все в любви живут: собака Феб, заяц, баран и примкнувший к ним ежик.

Есть писатели, которые великолепно, с огромной любовью и знанием пишут о животных, но людей в их прозе или вовсе нет, или это какие-то бледные тени. У Коровина все дышат – и человек, и животные, и птицы, и рыбы. Глава «Звери» в его воспоминаниях неожиданно начинается с поэтичных слов о человеке: *«На нашей тайной земле человек – создание подобия Господа...»*

Не понимаю, почему имя Константина Коровина не встретишь в трудах о русской литературе. Его имя должно было бы стоять рядом с И.С. Шмелевым, И.С. Соколовым-Микитовым, Ю.П. Казаковым...

Коровин – изумительный писатель для детей, для семейного чтения. В его рассказах о природе есть и захватывающая сюжетность, и тонкий юмор, и множество уникальных наблюдений. Странно, что дети так долго были лишены книг Коровина. Но вот в прошлом году издательство «Московские учебники» издало великолепно оформленную книгу Коровина под названием «О животных и людях». Всю зиму время от времени заглядывал в нее, перечитывал, листал.

Такая красивая, радостная книга получилась благодаря художнику-иллюстратору. «Рыбак рыбака видит издалека» – по этой русской поговорке встретились в одной книге два художника – Константин Алексеевич Коровин и Николай Александрович Устинов. И как счастливо. Устинов понимает и любит природу по-коровински глубоко и преданно. Когда смотришь его иллюстрации, вспоминаются слова «веселого корабельщика»: *«...Думаю, что рай – на земле. Ад тут же делают люди по несовершенству нашему, а жизнь есть радость и имеет много того, чтобы ею быть...»*

Вехи жизни и творчества

Родился в Москве 5 декабря 1861 года в семье купцов-старообрядцев.

1875 – 1886. Училище живописи, ваяния и зодчества. Материальные трудности в разорившемся отчем доме.

1879 и последующие годы. Успешное участие в ученических выставках в Москве.

1882. Важнейшее событие для творчества – начало обучения у Поленова.

1883. Пишет «Портрет хористки», который можно отнести к первым опытам русского импрессионизма.

1883 и 1884. Малые серебряные медали Училища за ряд работ: «Братья продают Иосифа», «Беседа Христа с Никодимом» и другие.

1884. Знакомится с промышленником и меценатом С.И. Мамонтовым. Вступает в Абрамцевский (Мамонтовский) художественный кружок. Работает над театральными декорациями.

1888 – 1889. Ведущий декоратор Русской частной оперы С.И. Мамонтова в Москве.

1892 – 1893. Париж.

1894. Поездка по Русскому Северу (вместе с Серовым).

1896. Поездка с Частной оперой в Нижний Новгород, на Всероссийскую выставку. Знакомство с Шаляпиным.

1899. Вступает в Товарищество передвижных художественных выставок. Начинает педагогическую деятельность.

Конец 1890-х. Вступает в общество «Мир искусства».

1900. Главный художник императорских театров. Участие во Всемирной

выставке в Париже. Европейская известность. Две золотые, две серебряные медали и офицерский крест ордена Почетного легиона.

1910. Главный художник и декоратор-консультант императорских театров Москвы и Петербурга.

Май 1914. Пожар на складе декораций при Малом театре. Уничтожено все, что создано для сцены за 14 лет.

1917. Надежда, разочарование, потерянности от ощущения себя ненужным новой жизни.

1918. Новые надежды. О бурных событиях в родном Училище: «Я приветствую реформу».

1919. Новые разочарования. Жизнь в Тверской губернии. Наезды в Москву.

1920. Выселение из квартиры в Москве и прекращение действия охранной грамоты на мастерскую.

1921 и 1922. Первые персональные выставки в Москве. Нападки и критика.

1923. Приглашение Парижского театра Grand Opera занять место художника-декоратора. Верит, что вернется в Россию.

1923 – 1939. Жизнь во Франции. Персональные выставки. Оформление декораций для театральных спектаклей: «Дон Кихот» с участием Анны Павловой, «Севильский цирюльник» с Шаляпиным, «Снегурочка» и «Князь Игорь» для Русской оперы в Париже и другие. Приходит признание как рассказчика и мемуариста. Все 16 лет живет с мечтой о возвращении на Родину.

Скончался 11 сентября 1939 года в Париже. На средства, собранные русскими эмигрантами, в марте 1950 года прах перенесен на кладбище Сен-Жене-вье де Буа.

Одно я хотел бы – хотел бы пробудиться на мгновение и увидеть весну, только дивную весну печальной Родины моей...

К. Коровин

Людмила Бутузова, Глеб Шелжунов (фото)

Татьянин день

У орловской фермерши и люди не горюют, и животные улыбаются

ЧЕМ БОГАТЫ

К орловской фермерше Татьяне Ерохиной надо приезжать, как минимум, на месяц. Только тогда есть шанс обойти ее поля (8000 гектаров в двух районах), заглянуть в глаза каждой корове (больше тысячи) и пересчитать всех свиней (3000 голов). Последнее проблематично – свиньи так активно плодятся, что их только с утра три тысячи, а к вечеру уже штук на пятьдесят больше.

– Так у нас не хряк – зверюга, – говорит бригадир Михаил Горбачев. – Татьяна Ивановна наказала: ищите самого породистого. Пол-России объехали, везли, как барина, – в УАЗике, на заднем сиденье. Через каждые два часа – прогулка, туалет и это – ланч – прости, Господи! Он всё оправдал.

Сосредоточиться на хряке не было никакой возможности. Потому что помимо этой достопримечательности в хозяйстве столько всего: зерно, овощи, мясо, молоко, переработка – что в корне меняется само представление о мелкоотварной семейной ферме. Да и много ли у нас фермеров, которые обеспечили работой 205 человек, производят продукции больше, чем десять сельхозпредприятий, вместе взятых, и платят налоги в объемах, сравнимых с бюджетом целого района. Не знаю, на что похоже хозяйство Ерохиной. Может, – колхоз, каким его представляли идеологи социалистического прошлого?

УДАЧА БАНКРОТОВ

– Нет, – открестилась бухгалтер Любовь Лобзина. – Мы за свой век поработали и в колхозе, и в СПК, и в агрофирме. Конец везде один – банкротство.

Отечественное село хронически невезучее: то большой урожай ему на голову, то кризис, то засуха. Крестьяне каждый год оплакивают загубленные труды и невозвращенные кредиты. Даже не верится, что при таких масштабных бедствиях есть хозяйства, где крестьяне живут, работают и ничего у них не рушится.

В последний раз так вообще... Если бы Ерохина нас не подхватила, здесь бы уже не жизнь была, а пустыня Гоби.

Земли Болховского района Татьяне не очень-то были и нужны. Она фермерствует по соседству – в Бакланово Орловского района. Чуток пашни в собственности, полторы тысячи гектаров в аренде, всё давно налажено, всё есть. С коллективом прошла огонь и воду. От государства ничего не требует, живет на свои, еще и полсотни пенсионеров кормятся на дивиденды от земельных паев, отданных Ерохиной в аренду. Тонну зерна каждому привозит, четырех поросят за копейки, крупу всякую – вообще бесплатно. Зачем ей еще одна головная боль?

– Да я и не думала расширяться, – говорит Татьяна. – Четыре года назад вызвали на ковер к бывшему губернатору. Он как грохнет кулаком по столу: бери под себя два болховских хозяйства и никаких разговоров. Могла и не брать... Мне что – денег дали на подъем лежачих? Поехала просто посмотреть, а там такая тоска разлита – потрогать можно. Людей стало жалко, согласилась.

Жалость обошлась ей в несколько десятков миллионов рублей. У банкротов не было ничего, кроме разрухи. Плюс долги по зарплате за пару лет.

– Татьяна всё выплатила, завезла технику, начала ремонт – у нас от некоторых помещений остались одни фундаменты, – рассказывает агроном Валентина Гладких.

Ничего, выкарабкались. Теперь болховское отделение у Ерохиной покруче, чем в Бакланово, и главный ее интерес, похоже, там.

– А потому, что движение видно, – говорит Любовь Лобзина. – За четыре года здесь всё изменилось. Вы представляете, у нас теперь в свиноматке лучше, чем было в конторе! Ни в чем не нуждаемся, и зарплата – дай Бог каждому.

Несчастные так боготворят Ерохиной, что это попахивает культом лично-

сти. Сама личность о разрастающемся культе не догадывается, потому что лежит в больнице и управлять процессом не может. Она только ругается по телефону, что неожиданный недуг выбил ее из привычного ритма.

СЛАВА РУБЛЮ

Финансового кризиса, поставившего на уши всю страну, Татьяна Ерохина, похоже, вообще не заметила. Отвлекли свиноматки, которых она накануне накупила на 25 миллионов рублей в кредит по нацпроекту.

– Столько возни было, – говорит она, – свиноматки белили, крышу перекрывали – некогда мне было переживать за американский доллар.

К чужой валюте Ерохина относится крайне настороженно. Лет двадцать назад, когда у них с мужем не было ни гроша и они только начинали фермерствовать, по совету знакомых Таня решила проверить спекулятивную операцию – съездить за бараклом в Турцию, а потом продать его, чтобы купить солярку. Взятые в долг доллары оказались поддельными, и пришлось им с Сергеем пахать на себе и чуть не вручную разбрасывать семена по полю. Вот так они заработали свои первые деньги, и с тех пор Ерохина неколебимо стоит на

СЕКРЕПЫ

Христианин есть тот, кто, сколько возможно человеку, подражает Христу словами, делами и помышлениями.

*Преподобный
Иоанн Лествичник*

том, что твердость российского рубля не идет ни в какое сравнение с иностранной валютой.

На этой почве они подружились с Борисом Ельциным. В конце девяностых он приезжал в Орел с официальным визитом. В стране как раз бушевал дефолт, президенту хотелось узнать настроение простых трудящихся. Строго говоря, из «простых» на встречу позвали только Ерохину, которая ничего не знала о «черном вторник», потому что всю неделю пахала зябь и рыла картошку. Остальные были чиновники, которые всегда в курсе.

– Заскучала я там, – вспоминает Татьяна. – Они всё про золотой запас, который неожиданно закончился, и стране приходят кранты. А я пшеницы тогда собрала по 57 центнеров с гектара, свиней было 400 голов, коровы доились – короче, всё было, еще и кормов вперед на два года... Какие кранты? У меня хозяйство живое.

КАМАЗ НА ЛЕТУ

Она так и высказалась, когда Ельцин обратил на нее внимание. Ерохину вообще-то трудно не заметить. Она ростом под два метра, красивая, статная – про таких поэт Некрасов писал: «Коня на скаку остановит». Приводить в чувство коней Татьяне не доводилось, а останавливать КАМАЗ на лету – запросто. До фермерства шесть лет работала дальнотранспортщицей, в дороге всякое бывало. От тех лихих времен у Ерохиной осталось великое множество друзей-шоферюг по всей России и страсть к скорости – гоняет по трассе так, что нервные гаишники разбегаются в стороны.

Она и Бориса Николаевича хотела прокатить на своей «Ниве», но охрана не позволила. Зато Ельцин у нее ото-

бедал и удивился, что обед в поле бесплатен – такой, дескать, в Москве стоит рублей пятьсот. Работяги чуть не подавились. Не от того, что дорого, – они вообще денег не видели с весны до осени. Ерохина оправдалась, что это в воспитательных целях. Ни парткома, ни профсоюза у нее в «Прогрессе» нету, а народ подобрался пьющий, вот и принимает меры единолично.

– С посевной до конца уборки зарплату не выдаю, – делилась фермерша своим диктаторским опытом. – Пусть он мне мамой клянется, что деньги до зарезу нужны – как скала стою. Если и правда в семье нужда, жене потихоньку выдам. А мужикам от хозяйства – на завтрак банка молока, днем обед из трех блюд. Курево тоже по выдаче. Купила сигарет три коробки, раздала каждому по 64 пачки. Искурят – выдам еще. А зарплату – когда окончательно уберемся. Целую неделю будут в лежку лежать.

РАЗ ВСТРЕТИЛА БАТЮШКУ...

Ерохинский опыт отрезвления коллектива, на радостях, что он понравился высоким гостям, чуть было не распространили на все колхозы Орловщины. Но народ на провокацию не подался, и дело стухло. У Татьяны, между прочим, тоже.

– Время изменилось, люди стали другими, – говорит она. – Все строятся, машины покупают. Охота, что ли, менять это на водку? Сами бросили пить.

Помогает держаться в трезвости и слово Божие. В отреставрированную церковь в Бакланово приезжает по субботам батюшка из Орла – давний знакомый Ерохиной. Народу на службе – тьма. Татьяна – в первых рядах, потому что благодаря ей храм, в котором де-

сятия хранили селитру и который практически до фундамента растащили добрые люди, несколько лет назад ожил в прежней красе.

Дело было так.

Ерохину – женщину на вид могучую и богатырского здоровья – подкараулила страшная беда. Отнялись ноги – сказала, видно, тяжелая шоферская работа, вечные сквозняки в кабине. Два года Таня передвигалась по деревне в инвалидной коляске.

– Лихо было, я уж думала всё, пора домовину заказывать, – вспоминает она. – Терзалась: за что мне это? Однажды смотрю на нашу разрушенную церковь, и меня будто пронзило – вот за это и наказание. Ведь живем, себя не помня, Бога не зная, воруем, лукавим, гадим. С кем об этом поговорить? Спасибо, встретился на моем пути отец Александр, многому я у него научилась, хоть и моложе он лет на двадцать. Тогда же слово себе дала: встану на ноги – восстановлю храм, чего бы это ни стоило.

Она встала на ноги, и за десять лет привела церковь в порядок. Сначала – только на свои доходы, а потом и люди начали помогать, кто – копеечкой, кто – стройматериалами, добровольной работой. Таня говорит, что «субботники на храме» сплотили деревню, народ стал добрее, у каждого будто душа открылась. И у самой у нее дела с тех пор пошли в гору.

Хотя, на первый взгляд, всё у нее по-прежнему: так же кормит людей бесплатно, пашет им огороды за счет хозяйства и не жадничает на дивидендах работникам, потому что уверена: обиженный стараться не будет, а облаканный – горы свернет.

Но вообще-то она консервативная. Цивилизованным отношениям с банком,

– Слушай, что я тебе скажу...

Коровья линейка

например, училась мучительно. Раньше просто хранила деньги за пазухой.

– Так было удобнее, – отбивается Татьяна. – Запчасти подешевле предлагают – кто будет ждать, пока я до банка добегу? Да и с грамотой было не очень. Любую работу по хозяйству знаю, мотор собираю с закрытыми глазами, а объяснить по-научному про рентабельность-себестоимость не получалось.

Зато сейчас от зубов отскакивает, и банкиры с ней ладят, и она – с ними. Нынче в засуху заметалась, где взять денег на удобрения, посевы гибнут. Позвонила главе Воронежского сбербанка Соколову: выручайте! Говорит, что в тот же день дали кредит. И если кто-то из фермеров сочтет это за сказку, пусть посмотрит ерохинский урожай.

МУЧАЕМСЯ, НО НЕ СДАЕМСЯ

Короче, Татьяна хоть и консерватор, но не безнадежный. Четыре года назад со слезами, но поменяла все-таки боевую «Ниву», на которой колесила с начала 90-х, на «Хаммер». «Был у нее такой закидон: всякая тля на иномарках ездит, а я, трудящаяся, чем хуже?», – подкалывает жену Сергей. У него «Тойота», но над собой почему-то не иронизирует. На самом деле, новая машина оказалась более удобной для больной фермерской спины, только диковато смотрится посреди сельского пейзажа. Вообще-то «Хаммер» она взяла не вовремя, потому что в аккурат в тот момент к ней в хозяйство приехал второй президент России. Владимир Путин, большой любитель отечественного автопрома. Добрые люди намекали Тане, что неплохо бы снова подефилировать на «Ниве», хотя бы пару часов. Будет скромно и патриотично.

– Еще и в фуфайку нарядиться, – усмехается она. – Президенты меняют-

ся, а фермерство, типа, мучается, но не сдается.

Подкатила на «Хаммере». Путин ничего не сказал, просто оглядел хозяйство и всё. В отличие от Ельцина, даже не спрашивал, накормят ли фермеры страну.

– Я растерялась, все мысли из головы вылетели, – сокрушается Ерохина, – а ведь надо было пояснить: не ждите, не накормят, пока продовольствие перехватывает целая орава барыг и перекупщиков.

НЕНУЖНАЯ СВИНИНА

Таня, святая простота, думает, что власти об этом не догадываются.

– Все всё знают, – говорит управляющий Валерий Васильевич. – Только какие у них рычаги влияния? Пальцем в телевизоре погрозить? Государство устранилось с сельхозрынком. Пшеница не нужна – вырастил, девай ее, куда хочешь, сахарной свеклы маловато – а вы сказали, сколько надо? – мы бы столько и вырастили. Так нет, наверху уже двадцать лет ждут, пока рынок сам все отрегулирует. И совсем – переработку отдали в частные руки. К чему это привело? Мы у себя, когда забили первых свиней, не знали, куда с мясом деваться. Представляете парадокс? – народ ест, что попало, неизвестно откуда привезенное, а тут свинина своя – и никому не нужна. Мясокомбинат не берет, им на импорте выгодней работать, на ярмарке продашь две-три туши в день, не больше. А у нас их было триста! Почернели мы с этими свиньями. В итоге отдаем перекупщикам по сто рублей за кило, себестоимость – 95 рублей. Как можно развиваться при таком раскладе? Животноводство катастрофически невыгодно.

– А зачем тогда держите?

Ответ обескураживает нелогичностью: «Чем-то заниматься надо».

Вообще-то, Ерохина могла бы найти и другое занятие, но, во-первых, вышивать крестиком не умеет, во-вторых, она совершенно искренне уверена, что если в стране мало молока и мяса, то она должна восполнить этот пробел. Дискутировать с ней бесполезно. Отвечает с первобытным крестьянским упорством: «А кто тебе еще вырастит такую свинью?» В смысле – вволю нагулявшуюся по травке и питающуюся исключительно экологически чистым кормом, в изобилии произрастающем на фермерских полях.

Самое обидное, что на рынке, где перекупщики, собственно, и сбывают ерохинскую свинину, наваривая на каждом килограмме 100-150 рублей, отличить ее от привозного бекона практически невозможно. Сваришь, тогда поймешь, что покупал. Обезличка обесценивает фермерские труды. Дело не в славе, возмущаются крестьяне, старались для людей, а получается, что кормим нахлебников.

Вице-губернатор Орловской области Василий Новиков советует фермерам организовывать какие-нибудь кооперативы, а еще лучше – перерабатывать продукцию на месте, не отходя от свинарника, и тут же продавать страждущему населению. Мечта чиновника красива и необременительна для властей. Татьяне Ерохиной это не нравится.

– Мне что, еще и мясокомбинат строить, и свой молокозавод? – возмущается она? – Не потяну я этот суверенитет.

Надо, Таня! Ну не осваивать же вышивку крестиком, пока у тебя страна голодная.

На все руки...

Жизнь прожить и поле перейти... Татьяна и Сергей

Татьяна Москвина-Яценко

Беды и победы православного кино

Человек редко утешается тем, что есть. Как правило, хочется большего. К примеру, в нашем кинематографе с 90-х годов возникло направление – религиозно-философское кино. Обозначим его как православное, потому что авторы фильмов открыто говорят о православной вере. Прежде всего, стоит вспомнить о документальных картинах, которые снимают и центральные киностудии, и авторские, и

региональные телеканалы, об анимации и о некоторых игровых фильмах. Похоже, в мире подобного нет. Последнее двадцатилетие, я бы сказала, время проб и надежд, стало собиранием сил. Возникли фестивали как прокатно-дискуссионные площадки, где идет много споров о том, что такое доброе кино, религиозное кино, правомерно ли само понятие – православное кино.

Профессиональных, талантливых режиссеров, которые снимают не просто сусальный репортаж с праздничных богослужений, с сияющими свечками, колокольным звоном и епитрахилью священника на голове кающегося, но создают образ веры на экране, можно по пальцам пересчитать.

Богоборчество советской власти прошлого века перешло в ситуацию идеологической анархии современной России. Уже написаны работы, четко обозначившие эти процессы: например, книга поэта и публициста Олеси Николаевой «Православная культура и современность», статьи и книги протоиерея Андрея Кураева. Однако не будет преувеличением сказать, что мы лишь в начале пути. Ждет, например, исследования такой феномен, как вариативность использования христианских мотивов в современном искусстве. Не секрет: художник отражает религиозность сквозь призму личного восприятия; зритель, подверженный влиянию времени, осмысливает то, что

предлагает экран. Как происходит их встреча? На постоянно действующем семинаре Международного православного кинофестиваля «Встреча» (г. Обнинск), который возглавляет монахиня София (Ищенко), можно было услышать размышления специалистов об этом вопросе. Вспомнили на семинаре и о том, что православной культуре свойственны христоцентричность, православные этика и эстетика. Что они вырастают из догматических понятий. Что требуется особое умение автора, чтобы соединить их в разговоре о кино. Как, например, перевести на киноязык «Христос – это чудесное и прекрасное Всё» (преподобный Иустин Попович)? Ведь любой художественный образ отражает мир со всеми противоречиями и заблуждениями. Требуется высокая культура зрительского восприятия, чтобы отделить зерна от плевел, которой, увы, нет.

Я показывала студентам ВГИКа новеллу Андрея Смирнова «Ангел», которая была снята в 1967 году по рас-

сказу Юрия Олеши. Фильм выпустили на экран спустя 20 лет, после знаменитого V съезда кинематографистов. В маленьком черно-белом шедевре два героя – Комиссар, профессиональный революционер, и Ангел, глава белой банды. Комиссар попадает в руки Ангела, который, вопреки слухам и ожиданиям, отпускает всех, кроме Комиссара (он тоже, как выясняется, творил жестокие расправы). Почему советские идеологи положили фильм на полку? Мы подошли к мысли: сравнивая двух представителей власти, старой и новой, превратившихся в палачей, автор исследует мотив, который движет каждым. Комиссар верен ложной идее: любой ценой построить «рай на земле». Ангел вершит суд Божий, видя себя рукой Возмездия. И это, возможно, еще опасней – чувствовать себя уже не простым смертным. Фильм глубоко проникает в суть веры, показывая силу заблуждений человека. Присутствует ли в фильме Христос? На мой взгляд – да. При условии, что сознание зрителя христоцентрично.

Татьяна Викторовна Москвина-Яценко.

По первому образованию филолог, по второму – киновед. Работала консультантом Союза кинематографистов СССР (позже – СК России), оргсекретарем гильдии киноведов и кинокритиков Союза, ответственным секретарем газеты «Татьянин день». Автор идеи и организатор конкурсов сценариев «Вера, Надежда, Любовь», автор-составитель сборников «Киноповести для семейного просмотра», программный директор кинофестиваля «РАДОНЕЖ» (2008 – 2010), член жюри Международного православного кинофестиваля «Встреча» (2010, 2011), автор публикаций по проблемам отечественного кино. Доцент своей альма-матер – Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова. В «Лампаде» печатается впервые.

В художественном образе всегда присутствует множественность трактовок. Это аксиома, неперемное условие подлинного искусства. Дидактичность, а тем более дидактичность религиозная, не просто раздражает – она разрушает художественность. Анимация с ее органичной условностью позволяет, как мне кажется, перенести на экран религиозную притчу с меньшими художественными потерями, чем документальный и, тем более, игровой экран. К примеру, вполне реалистический рассказ Ковалева в мультипликационном фильме «Шатало» Алексея Демина, призере последней «Встречи», вырастает до притчи. Фильм повествует о поэтическом, целостном восприятии мира, ныне почти утраченном.

Православными по духу, без оговорок, на мой взгляд, можно назвать не так много произведений, созданных за столетие в отечественном кинематографе. В первую очередь, к ним можно отнести анимационные экранизации Александра Петрова: «Сон смешного человека» по одноименному рассказу Федора Достоевского, «Первая любовь» по рассказам Ивана Шмелева, выполненные в технике живописи по стеклу. В этих фильмах автор попытался раскрыть самое сложное в вере: механизмы греха и возможность преодоления страстей через покаяние.

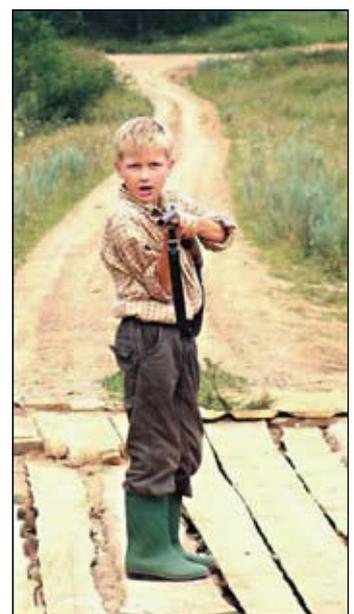
Успешней всего сегодня просветительское кино о Православии, вписавшееся в нишу неигрового, научно-популярного кино. Здесь найдем киноработы об истории Православия в России и мире, о новомучениках Российских, о восстановленных святынях, о церковных праздниках. Встречаются удивительные по силе свидетельства живой веры, восходящие к высокой художественности. Например, фильмы Валерия Залотухи, который много лет как сценарист сотрудничал с кинорежиссером Владимиром Хотиненко. Еще тогда, в их кинолентах рубежа 90-х и нулевых, «Макаров» и «Мусульманин», остро звучала тема веры и неверия. Герой «Макарова» – провинциальный поэт, плоть от плоти русской интеллигенции, оказывается игрушкой в руках подобранной на дороге вещицы – пистолета. Он почти готов нажать на курок, став пулей. В «Мусульманине» речь о времени неопитов. Главный герой, Коля, попав в афганский плен, принял ислам. Вернувшись на малую родину, он начинает было видеть глубину и красоту Православия, но погибает от руки бывшего сослуживца, такого же неопита, силой требовавшего от Коли покаяния.

Первым документальным фильмом Валерия Залотухи были снятые совместно с Людмилой Улановой «Попы»,

где героями стали три священника. В нем живо предстали три свидетельства веры. Один из героев потомственный священнослужитель Сергей Правдолюбов, в чьем роду несколько новомучеников, настоятель московского храма Живоначальной Троицы в Голенищеве, того самого, алтарь которого разрушали в несостоявшемся фильме Сергея Эйзенштейна «Бежин луг» (остались кадры). Другой – отец Михаил Щербатов, прошедший Афган, подвизавшийся в Елатье Рязанской области, и священник Сергей Симаков, ныне иеромонах Рафаил, в прошлом элитный художник, поднявший с матушкой Еленой Котиковой, верной подругой, заброшенный храм Архангела Михаила (в бору) близ Углича. Об этой паре, где главным героем станет матушка, в конце жизни монахиня Анна, рассказывает следующий фильм Валерия Залотухи и Галины Леонтьевой «Ребро. Портрет жены художника на фоне эпохи» – удивительно нежное повествование о том, что даже любовь к мужу может стать препятствием в восхождении к Богу. Для меня документальные работы Валерия Залотухи христоцентричны, потому что именно Христос стал смыслом и целеобразующим принципом жизни героев. Фильмы иконичны, красивы по композиции и построению кадра, по тому, каким предстает на экране чело-

«Скоро весна». Реж. Вера Сторожева

«Воробей». Реж. Юрий Шиллер

век. Как он вписан в жизнь, природу, в церковную ограду.

Реалии Православия в игровом кинематографе могут составлять как основу сюжета, придавая действию остроту, так и служить фоном действия. Например, в «Чуде» Александра Прошкина основой конфликта становится отношение общества к засвидетельствованному в 1950-е годы реальному факту, известному как «Зоино стояние». Как относиться к чуду, люди не знали ни тогда, ни сейчас. Чудо не убеждает. Скорее – страшит. Потому понадобился мелодраматический сюжет с журналистом, перипетии в семье священника, почти аттракционное посещение окаменевшей девушки с иконой в руках партийными и государственными деятелями атеистической страны.

В фильме Павла Лунгина «Остров», который случился почти неожиданно, главной удачей стал образ центрального героя. Автор выбрал из множества сценариев рассказ о человеке, в основу жизни которого легло покаяние. Петр Мамонов столь органичен в роли старца, что убеждает даже скептиков.

Исповедальность – важная черта отечественной культуры. И в кинематографе советской поры – у Андрея Тарковского, Василия Шукшина, Глеба Панфилова – присутствует этот мотив. Этическая и эстетическая эмо-

ция в их фильмах для меня близка к религиозной.

Искусство – один из путей вхождения христианина в религиозную культуру. Но этот путь сложный, противоречивый, он может напрямую соприкасаться с миром демоническим, как об этом пишет священник Александр Елчанинов. Потому-то сегодня в ситуации так называемого пост-постмодернизма, с его установкой на игровое начало, снимается много фильмов про вампиров, инопланетян-пришельцев, монстров, маньяков, чье зверство не лежит в природе человеческой. Разного рода «Трансформеры», «Ночные дозоры», «Области тьмы» заполнили кинотеатры.

Россия всегда была страной великих смыслов. В советское время даже фальшивая идея и варварская идеология могли породить героев-«мучеников» – Павку Корчагина, Павлика Морозова. За рыночную экономику сегодня никто жизнь отдавать не станет. Именно об этом говорят жестокие по сути и отточенные по форме картины Алексея Балабанова, Сергея Лозницы. Их фильмы-фантазмагии – выход за некие нормы допустимого, того, что, по-моему, неуместно в координатах православной этики.

В сезонах 2009-го и 2010 годов были два замечательных фильма – «Скоро весна» Веры Сторожевой и

«Воробей» документалиста Юрия Шиллера. «Очень старомодное кино», как сказал один из критиков. Слава Богу, что есть такой прецедент. В старомодности этих картин, где авторы идут от реального жизненного материала, а не от собственных фантазий, не утрачена связь с правдой жизни. Возможно, она несколько идеализирована, что вполне допустимо для художника, у которого сохранилась целостность восприятия мира. Система ценностей в фильмах «Скоро весна» и «Воробей» заявлена отчетливо. Конфликты относятся к внутренним противоречиям героев, которым следует сделать выбор. Самым решительным человеком в фильме Сторожевой оказываются послушница, медсестра, оставшаяся с подопечным. В фильме Шиллера – мальчишка, воспитанный в простой деревенской семье в уважении к старшим и любви к родному краю. Одна выбирает жертвенный путь, другой становится воином – защищает табун лошадей, приговоренных взрослыми к бойне за долги.

Целостность восприятия мира – это сущностная координата, без которой человек и общество саморазрушаются. В религиозном кино может не быть прямого обращения к образу Христа. Но должны присутствовать на равных и потребность найти Истину, и художественность, и талант.

«Остров». Реж. Павел Лунгин

«Мусульманин». Реж. Владимир Хотиненко

Марину Аромитам, которую так радостно вам представить, можно назвать первой из первых учительниц, поскольку однажды она была финалистом московского конкурса «Учитель года». Сегодня Марина – кандидат педагогических наук и редактор замечательной газеты «Дошколь-

Марина Аромитам

Жила-была дворняжка

Жила-была на свете лохматая дворняжка. Будки у неё не было, потому что ей нечего было сторожить. Поводка тоже не было: ведь никто не водил её гулять. Она сама ходила, где вздумается и когда придется – по своим одиноким собачьим делам.

А еще у дворняжки не было имени: ведь её совершенно некому было звать. И это было хуже всего.

– Как же так? – думала дворняжка. – Моё имя, наверное, где-то затерялось. Надо бы его отыскать. Интересно, как оно пахнет?

Старый парк был полон запахов, которые собачий нос старательно разбирал: это друг, это враг, это, может, удастся съесть. А вот что-то новенькое. И запахи, обещая и заманивая, заставляли дворняжку бежать вперед.

В осеннем парке мокрые дорожки усыпаны опавшими листьями. Сторож едва успевал сметать их в кучу. В придорожных канавках тоже скапливалась сырая листва. А на влажном осеннем небе чернели веточки осин, будто кто-то старательный и с бантиками нарисовал их тонкой-претонкой кисточкой.

Лодочная станция в глубине парка пустовала. По воде, как маленькие юркие лодочки, сновали утки.

Пруд морщился от холода, и его поверхность под порывами ветра покрывалась дрожащими складками.

Рисунок Киры Скрипниченко

ное образование». И при этом она остается в душе задумчивой первоклассницей и пишет книги для детей. В этом году вышел роман «Когда отдыхают ангелы» – о том, как учительница читает детям «Короля Матиуша Первого» Януша Корчака, а те в это время живут своей сложной и плохо управляемой жизнью.

жимались к родным веточкам, противились ветру, но в конце концов уступали и пускались с ним в пляс: вверх – вниз, вправо – влево. Такой сложный осенний танец!

Дворняжку это очень веселило. Она начинала скакать, подпрыгивать, припадать на передние лапы и весело лаять: «Гав-гав! Листопад! Гав-гав! Листопад!» Ведь танцующим листикам нужна была музыка!

В этот раз дворняжка прибежала к липе в разгар веселья. Она скакала и вертелась до тех пор, пока листики не облепили её с ног до головы. А один смелый листик уселся дворняжке прямо на лоб. Вот это да!

Вдруг появились дети.

– Смотрите! Собака в шапке! – закричал один мальчик.

– У нее вся шерсть в листьях! – воскликнула девочка. – Она на ёлку похожа.

– У ёлки нет листьев. Собака, собака, ты на какое деревце похожа? – улыбаясь, спросила другая девочка.

А самый маленький сказал:

– На какое, на какое! На пальму. Правда, Пальма?

Дворняжка тут же согласилась. Она подпрыгнула, завилыла коротеньким хвостиком и звонко залаяла.

– Смотрите, смотрите, её Пальма зовут, – обрадовались дети. – Пальма! Ко мне! Пальма, палку! Пальма, лови!

Команды сыпались со всех со всех сторон. Дворняжка носилась взад и вперед, прыгала через скамейку, помогала играть в салки, мешала играть в мяч – и была совершенно счастлива. К тому же одна девочка угостила её половинкой бутерброда и дала облизать сладкую бумажку от мороженого.

– Ты хорошая, Пальма! – сказал на прощанье старший мальчик. Тот, что назвал дворняжку «собакой в шапке». – Приходи завтра опять с нами играть. Придешь?

Вечером дворняжка забралась в щель между хлебным фургоном и домиком сторожа. В фургон завезли свежий хлеб. Дворняжке перепал кусок булки, которую не доел грузчик. Она свернулась клубком и уснула. Ей снилось, будто она – деревце, стройное гибкое деревце с большими желтыми листьями. Листья шелестят на ветру, а дети проходят мимо и говорят: «Посмотрите, это наша Пальма. Правда, замечательная?»

Теперь у дворняжки было имя.

Дворняжка выбежала на берег и ответственно залаяла.

– Эй, утки! Гав-гав! Привет! Вас как зовут?

Утки, хлопая крыльями, возмущенно поплыли прочь: «Что за дерзкое поведение!»

А один старый селезень ворчливо прокричал:

– Что за глупые шутки! Мы просто утки! Мы готовимся к путешествию. И нечего отвлекать нас от серьезных дел!

Тут селезень засунул голову в воду, поболтал в воздухе лапками, с плеском вынырнул на поверхность и, не глядя на дворняжку, поплыл прочь.

Дворняжка вздохнула и побежала дальше.

На дереве, поглядывая по сторонам, сидела ворона.

Дворняжка вежливо откашлялась:

– Гав-гав! Привет! Вас как зовут?

Ворона кокетливо склонила головку и жеманно представилась:

– Вор-р-рона!

– Я и так вижу, что ворона, – озадаченно сказала дворняжка. – А имя – такое, чтоб только ваше было, – у вас есть?

– Стр-р-ранный вопр-р-рос! – ворона начала тревожиться. Перышки ее задвигались, лапки напряглись.

– Ну, если кто-нибудь захочет вас позвать?

– Позвать? Меня все только пр-р-рогоняют! – обиделась ворона. – Обр-р-ратились не по адр-р-ресу!

Дворняжка вздохнула:

– А мне... Мне так нужно имя. Где же его раздобыть?

– Укр-р-расть! – каркнула ворона и полетела на скользкую от дождя крышу по своим воровским делам.

Больше всех деревьев в парке дворняжка любила старую липу. Осенью её листики были похожи на маленькие золотистые сердечки. Налетал ветер и старался захватить все сердечки себе. Листики трепетали, при-

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

www.znamenie-hovrino.ru

Рекомендовано Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

Выписать журнал «ЛАМПАДА» можно
в любом отделении связи

На «ЛАМПАДУ» можно подписаться
и непосредственно в редакции.

Подписные индексы:

43570 – в объединенном каталоге «Пресса
России»

16594 – в каталоге «Почта России»

Позвоните:

8 916 388 4188 или

8 926 105 105 4

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском
парке (ул. Красноармейская, 2, стр. 2 г)

Троицы Живоначальной в Хорошеве
(Карамышевская наб., 15)

подворье Спасо-Преображенского
монастыря (2-я Тверская-Ямская ул., 52)

Валаамского Троицы Живоначальной в Хохлах (Хохловский пер., 12)

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане
(ул. Теплый стан, влад. 4, 6)

прп. Симеона Столпника на Поварской
(Поварская ул., 5)

св. мц. Татианы при МГУ (ул. Б. Никитская, 1)

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище
(ул. Советской Армии, 12, стр. 1, 2)

Воскресения Словущего на Успенском Вражке
(Брюсов пер., 15/2)

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово
(г. Долгопрудный, Парковая, 2)

Воскресения Христова в Сокольниках
(Сокольническая пл., 6)

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь
(ул. Б. Лубянка, 19)

Всех Святых б. Ново-Алексеевского монастыря
(2-й Красносельский пер., 7)

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском
(ул. Церковная Горка, 26а)

вмч. Георгия Победоносца в Коптеве
(Б. Академическая ул., 33)

«Троицкая книга», магазин при Московском подворье
Свято-Троицкой Сергиевой лавры
(2-й Троицкий пер., 6-а, стр. 1)

Иверской иконы Божией Матери на Всполье
(ул. Б. Ордынка, 39)

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке
(Газетный пер., 15)

иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими во-
ротами (1-й Колобовский пер., 1, стр. 2)

царевича Димитрия при Голицинской (1-й Градской)
больнице (Ленинский просп., 8, корп. 5)

Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь
(Крестьянская пл., 10)

Троицы Живоначальной в Останкине
(1-я Останкинская ул., 7, стр. 2)

подворье Спасо-Преображенского Соловецкого ставро-
пигиального мужского монастыря (Садовническая, 6)

свт. Николая в Хамовниках (ул. Льва Толстого, 2)

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском
(ул. Крылатские Холмы, 43)

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной
(Н. Басманная, 11)

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

Русская Православная Церковь

№ 5 (80) 2011
сентябрь — октябрь

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

**Тема номера:
ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?**

- два века Казанского собора
- вторая родина святителя Николая
- кто накормит Россию